

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 9 (788)

15 февраля 1939 г., среда

Цена 30 коп.

15 февраля исполняется два года со дня смерти выдающегося большевика, неутомимого борца за дело партии Ленина-Сталина, Григория Константиновича Ордоникидзе.

Расцвет литературы СССР

«На наш Союз Республика восток смотрит как на опытное поле. Либо мы в рамках этого Союза правильно разрешим национальный вопрос в его практическом применении, либо мы здесь, в рамках этого Союза, установим действительно братские отношения между народами, действительное сотрудничество, — и тогда восток увидит, что в лице нашей Федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен идти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь, в составе всей Федерации, допустим ошибку, поворнем доверие ранее угнетенных народов к пролетариату России... и тогда выигрывает империализм, проиграем мы».

Так говорил товарищ Сталин шестнадцать лет тому назад. На этом опытное поле вошли ныне прекрасные посевы — сталинская дружба народов, социалистическая по содержанию, национальная по форме культура. Прогнал империализм, вытранил мы.

Иначе и быть не могло. Первые же шаги советской власти были направлены к ликвидации правового неравенства наций, населяющих территорию старой России. Сразу рухнула перегородка, разделявшая народы. Но ликвидировать правовое неравенство — означало сделать лишь полдела. Нужно было осуществить фактическое равенство, нужно было, другими словами говоря, подтянуть технику, экономику и культуру ранее отсталых народов до уровня наиболее развитых. И эта вторая половина задачи также была успешно решена.

Годы социалистического строительства были годами бурного расцвета культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме. Достижения литературы каждого народа превратились в достояние всей страны, всего Союза. Неотъемлемой частью всей нашей классики стали также замечательные произведения, как «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, как «Кобзарь» Шевченко. Обшир фонд советской литературы обогащается произведениями Тычина, Рыльского, Бажана, Кожаса, Купалы, Дадяни, Исакиана, Стальского, Джамбула, Усенбаева и многих других писателей братских республик. Их стихи, романы, пьесы и песни переводятся на все языки СССР.

Характерен в этом отношении рост тиражей книг величайших классиков народов СССР. За двадцать лет, предшествующих Великой Октябрьской социалистической революции, произведения Т. Г. Шевченко были изданы тиражом в 629 тысяч. За двадцать последующих лет их тираж приблизился к трем миллионам. Произведения Шолом-Алейхема были изданы в 217 тысяч и за последующие двадцать лет — 2 млн 107 тысяч. Произведения Ширванзаде, изданные до революции лишь на двух языках с тиражом в 26 тысяч, сейчас вышли на 11 языках, и их тираж превысил полмиллиона экземпляров.

Народы, прозбавившиеся в насчете и неграмотности, получили доступ к величайшим сокровищам культуры. Вот в примере Киргизия. Киргизский народ не имел раньше даже своей письменности. А сейчас на киргизский язык переведены «Гамлет» и «Отелло» Шекспира, «Евгений Онегин» Пушкина, шевченковские «Гайдамаки», «Витязь в тигровой шкуре» Руставели.

Каждый день приближает нас к jubileo великого поэта украинского народа Шевченко, к jubilee Низами, Навои, Шолом-Алейхема, к jubileo древнейшего народного эпоса «Давид Саусунский». Эти торжества будут поистине всенародными. К этим датам мы должны серьезно и глубоко подготовиться.

Расцвет социалистической культуры не только «открыл» для всех народов дорогие памятники культуры, он сделал возможным органическую связь братских литератур и плодотворное их влияние друг на друга.

Национальная литература, например, имеет

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ СОЮЗА ССР

Вчера, 14 февраля, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин в присутствии ряда членов Президиума вручил ордена и медали руководителям, преподавателям и служащим Краснознаменной и Ордена Ленина Военной Академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии имени М. В. Фрунзе, награжденным, в связи с 20-летием Академии, за долготлетнюю, честную работу по выращиванию и воспитанию командных кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Затем ордена получают награжденные за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы прозаики и поэты гг. Исаковский, Новиков-Прибой, Паустовский, Шагития, Билль-Белодерковский, Диковский.

Тов. Лебедев-Кумач, получая орден, прочел свои стихи:

Народ оказал нам великую честь,
Спасибо правительству, партии, родине!
Умножим успехи, которые есть,
Чтоб слава народа сыяла на ордене.

И мудрых и храбрых видал этот зал,
Сердец человеческих богатства несметные,
И каждый, кто был здесь, наверно сказал:
— Клянусь народу служить беззаветно!

Пусть сердце под орденом бьется сильнее,
Пусть крепнут успехи, растут достижения,
Прославим величие сталинских шей
В искусстве, в науке, в труде и в сражениях.

С речью об имени группы награжденных прозаиков и поэтов выступил затем тов. Тренев.

— Мы все сознаем,— говорит т. Тренев,— в всем сердцем чувствуем, какие исключительно высокие обязанности налагают эта награда на нас, на советскую литературу, и все силы и способности обещаем отдать на выполнение этих обязанностей.

Еще хочется отметить одну сторону. Награжденные советские писатели всех возрастов — от писателей старшего поколения, принесших в молодую советскую литературу лучшие заветы и традиции великой русской литературы — ее высокую идейность, честность и реалистическое мастерство, до молодых представителей литературы, вздевшиеся нашей новой, социалистической родиной и являющиеся верными продолжателями славных традиций русской литературы, яркими выразителями лучших достижений советской литературы.

Тов. М. И. Калинин поздравил товарищей с получением высокой награды и пожелал им новых успехов в их дальнейшей работе.

(ТАСС).

НАВСТРЕЧУ XVIII СЪЕЗДУ ВКП (б) Радостно творить

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). С горячим интересом встретили ленинградские писатели тезисы докладов тов. В. М. Молотова и тов. А. А. Жданова на XVIII съезде партии. О величайшем значении этих исторических документов с огромным воодушевлением говорили поэты, прозаики, драматурги и литературоведы на собрании в Доме писателя им. Малковского.

Собрание началось докладом секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) т. Пономарева, рассказавшего о том, как ширится председателское социалистическое соревнование среди интеллигентии Ленинграда. Затем слово было предоставлено Александру Прокофьеву.

— Роль третьей сталинской пятилетки в развитии нашей страны, в подеме материального и культурного благосостояния, — говорит он, — поистине грандиозна. Воистину величайшими задачами, стоящими перед партией, советской властью, всей нашей родиной.

— Необычайный подъем охватил всю страну накануне XVIII съезда партии, — продолжает А. Прокофьев. — Что требуется от нас, писателей? Еще большая сплоченность, еще большая интенсивность труда, т. е. еще больше стихов, новостей, романов, борющихся за коммунистическое воспитание масс.

Ярка, содержательна и луч С. Маршак. Он напоминает один из пунктов тезисов доклада тов. В. М. Молотова: «Превратить к концу третьей пятилетки Северный Морской Путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую плановую связь с Дальним Востоком». В этих пяти строчках, — замечает С. Маршак, — говорится о старой мечте, которая становится плановой практикой большевиков. Смертоносная полоса белой пустыни, где одиноко, оторванный от равнодушного мира, на утлом «Фраме» перелетался Нансен, становится нормально действующей волной магистралью.

— Каждый тезис доклада тов. Молотова, каждый параграф третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР — великая тема для писателя. Ре-

В Гослитиздате

Подготовка к XVIII съезду партии в Гослитиздате ознаменовалась подъемом социалистического соревнования. Выделена уларная программа заданий, охватывающая 30 названий.

Из произведений советской литературы в эту программу вошли: сборник стихов В. Маяковского о Ленине, сборник пьес В. И. Лебедева-Кумача, «Наркомэнко» Вс. Иванова, сборник стихов Н. Асеева, одноименный А. Серафимовича.

Современная иностранная литература представлена следующими книгами: «Мать» К. Чапека, «Пятая колонна» Хемингуэя, первый том «Испания» Д. Фейхтвангера, «Непобедимый Китай» Анны Стронг, «Рок и народ» Ральфа Фанса.

В соревновании имени XVIII партийного съезда участвуют также литературно-художественные журналы. Редакция журнала «Знамя» взяла на себя обязательство обеспечить выпуск третьего номера к 10 марта.

В Детиздате ЦК ВЛКСМ

В Детиздате ЦК ВЛКСМ развертывается социалистическое соревнование имени XVIII съезда ВКП(б).

10 февраля в издательстве состоялось общее собрание сотрудников, на котором были обсуждены и приняты социалистические обязательства к съезду.

К десятому марта издательство обязуется выпустить 12 новых книг. В числе этих изданий — книга Г. Байдукова «Встречи с товарищем Сталиным», сборник «Дети о Сталине» — рассказы детей, встречающихся с товарищем Сталиным, книга В. Смирновой «Товарищ Серго», рассказ Героя Советского Союза И. Мошала «У озера Хааса», одноименный и биография Шевченко, его поэма «Багрячка» и др.

Издательство обязуется добиться полной ликвидации брака. С этой целью редакторы всех секторов должны к 1 марта проверить свои портфели, освободить их от негодных рукописей и тщательно проверить их качество рукописей, подготовленных к печати.

ПРИЕЗД ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ОРДЕНОНОСЦЕВ В МОСКВУ

13 февраля из Тбилиси прибыли грузинские писатели, награжденные Президиумом Верховного Совета СССР орденами Союза.

Из удостоившихся высокой награды писателей в Москву приехали: старейший писатель Грузии, депутат Верховного Совета СССР, Шалва Дадяни, Лео Кнацели, Г. Леонидзе, Ило Мосашвили, Самон Чиковани, Демна Шенгелая, Ираклий Абашидзе, Сергей Кадияшвили, Алло Машашвили, Саидо Шашиашвили.

Грузинские писатели были встречены на Курском вокзале представителями ЦСП СССР — писателем Леонидом Леоновым, заместителем председателя грузинской комиссии ЦСП В. Гольценым, поэтом К. Липокоером, представителями печати.

Московские писатели горячо приветствовали своих грузинских собратьев, поздравив их с почетнейшими наградами.

В беседе с нашим сотрудником драматург-орденоносец Шалва Николаевич Дадяни сказал:

— Трудно переоценить значение акта нашего правительства для дальнейшего расцвета единой советской литературы и в частности литературы Грузии.

Грузинский народ и его литература переживает дни великого радостного торжества. Но это торжество и всего советского народа, всей советской литературы, единство которой неразрывно, нерушимо.

Велика радость представителей литературы Грузии, приехавших сегодня в Москву и испытывающих чувство беспредельной любви и глубочайшей благодарности к товарищу Сталину, неуныная забота которого о советской социалистической культуре — искусство и литература — нашла свое яркое выражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении лучших писателей народов страны Советов.

ПИСАТЕЛИ И АКЫНЫ КИРГИЗСКОЙ ССР В МОСКВЕ

13 февраля в Москву приехали орденосцы-поэты и акыны киргизского народа гг. Калкыс Акиев, Алымкул Усенбаев, Юсуп Турубеков, Алымкул Осмонов.

На вокзале явным гостем встретили от Союза советских писателей СССР гг. В. Винников, Ф. Ошакевич, С. Шпачев, Э. Беккер, представители киргизского студенчества в Москве и работники центральной печати.

Сегодня в Москву приезжают киргизские поэты тт. Кубанчыбек Маликов, Темиркул Уметалиев, Толен Шапшиев — депутат Верховного Совета Киргизской ССР, Абрамкул Токтомушев, певец-импровизатор Атай Огомбаев и крупнейший киргизский писатель и поэт Ясыр Шавза.

На встречу с деятелями советского искусства в Москву киргизский народ послал лучших и достойнейших представителей своей литературы.

Киргизские поэты-орденосцы приветствуют Красную столицу.

«С чувством глубокого волнения, — пишут они, — мы встречаемся с вами, дорогие друзья и соратники. Сюда, в Москву, мы привезли драгоценный дар киргизского народа — его зоркую, как беркут, взвешивающую, как бурное море, горячую, как наше солнце, любовь к великому русскому народу-освободителю, к вождю народов товарищу Сталину.

Мы, поэты и слуги народа, горды оказанным нам доверием страны».

ПЯТЫЙ КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

В честь приезда в Москву писателей и артистов Киргизской ССР Клуб писателей устраивает 17 февраля клубный день, посвященный киргизской литературе и искусству.

Поэты-орденосцы Алымкул Осмонов, Юсуп Турубеков, депутат Верховного Совета Киргизской ССР поэт Толен Шапшиев, поэты Кубанчыбек Маликов, Темиркул Уметалиев и Ясыр Шавза поздравят киргизскую общественность Москвы со своими произведениями. Их стихи в переводе на русский язык прочтут Н. Стороженко, В. Винников, Ф. Ошакевич и А. Таровский.

Большой интерес представляет выступление народного певца «Манаса» Саякбая Караалаева. Переводы из народного эпоса «Манас» прочтут С. Лицкий, Л. Пеньковский и М. Таровский.

Народные акыны — орденосцы, депутат Верховного Совета Киргизской ССР Алымкул Усенбаев, орденосцы Калкыс Акиев и виртуоз на комузе Атай Огомбаев исполнят свои произведения.

Вечер закончится исполнением народных песен и отрывков из киргизских опер композиторов депутата Верховного Совета СССР А. Мадьябаева, В. Власова и В. Фере.

В верхних комнатах клуба — выставка картин киргизского художника Ф. Чуйкова.

Президиум Союза советских писателей с глубокой скорбью извещает о смерти талантливого белорусского писателя-орденосца

Эдуарда Лудвиговича САМУИЛЕНКА,
последовавшей 12 февраля в г. после продолжительной и тяжелой болезни.

Президиум Союза советских писателей.

Наш друг

Пять лет прошло со дня смерти Эдуарда Георгиевича Багрицкого. Но его стихи живут сегодня так же, как они будут жить и завтра...

Мир романтических образов Багрицкого населен его и нашими друзьями, к которым мы навсегда сохраним глубокую нежность и симпатию. Кто они, эти люди? Тиль Уленшпигель, швед, взломщик под бременем непосильного труда...

Время, врывающееся в мир поэта, требует новых песен. Огромные социальные события, происходящие перед Багрицким, становятся темой его стихов...

Революция дает возможность Багрицкому обрести великодушную меткость глаза и закалку война — качества, позволяющие ему отличить друзей от врагов...

В его поэзию входит Феликс Дзержинский, который для Багрицкого, так же, как и для Маяковского, становится идеальным образом человека, борца, большевика...

Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...

Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

«Багрицкий жил в поэзии. Он являл собой образец художника, для которого творчество, поэтическое восприятие мира было естественным способом мышления...»

ВЕЧЕР ПАМЯТИ БАГРИЦКОГО

Сегодня в клубе МГУ под председательством В. Катаева состоится большой литературный вечер памяти Эдуарда Багрицкого.

Вступительное слово — И. Бабеля. С воспоминаниями о поэте и с чтением стихов, посвященных ему, выступят А. Адамо, П. Антокольский, Д. Бродский, С. Гехт, М. Голодный, Л. Дитач, В. Инбер, Д. Кадина, М. Колосов, В. Луговской, Ю. Олеса, Е. Петров, М. Светлов, Л. Славин, А. Сурков и Я. Шведов.

Чтецы Д. Журавлев и Л. Кайранская прочтут стихи Багрицкого.

Мир поэта

С тех пор как умер Эдуард Багрицкий, прошло пять лет. В условиях нашей действительности это очень большой срок.

Говоря уже об исторических переменах, о росте нашей страны, о ее борьбе и победах, — сколько произошло в пределах самой литературы, запомнившихся, значительных событий!

Сейчас мы живем в эпоху беспрецедентных успехов нашей страны. Мы приближаемся к петроградским этапам мировых культур Закавказья и Средней Азии.

В течение столетий лежавших под землей, еще не зная о том, что его великая жизнь обрвана злодейской рукой...

Этот вечер посвящается не только поэту, но и поэзии, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Мир поэта

С тех пор как умер Эдуард Багрицкий, прошло пять лет. В условиях нашей действительности это очень большой срок.

Говоря уже об исторических переменах, о росте нашей страны, о ее борьбе и победах, — сколько произошло в пределах самой литературы, запомнившихся, значительных событий!

Сейчас мы живем в эпоху беспрецедентных успехов нашей страны. Мы приближаемся к петроградским этапам мировых культур Закавказья и Средней Азии.

В течение столетий лежавших под землей, еще не зная о том, что его великая жизнь обрвана злодейской рукой...

Этот вечер посвящается не только поэту, но и поэзии, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

Идеалы Багрицкого

В «Известиях одесского губисполкома» от 4 марта 1923 г. была напечатана любопытная, хоть и наивная заметка. Она сообщила, что на последнем литературном собрании Эдуард Багрицкий читал новую поему «Сказание о море, моряхах и Летуции Голландии».

Прочитав поему, автор попросил присутствовавших на собрании ответить на вопрос: «Нужна ли пролетариату моя поэма или нет?» Газета сообщила в конце заметки, что в результате пыльной дискуссии вопрос, затронутый автором в его выступлении, был решен положительно.

Я помню это собрание, оно происходило на квартире у одного преподавателя сопартийки. По понедельникам здесь собирались одесские литераторы И. Бабель, Э. Багрицкий, Л. Славин, С. Кирсанов, О. Кольчугин, Д. Бродский, С. Болдырев и другие.

Были на этом собрании и журналисты и члены губкома. Нам-то и предстояло ответить на столь важный вопрос, который и в ту далекую пору и много позднее мучил Багрицкого. Он очень боялся стать поэтом для поэтов, для узкого общества любителей.

Поэма была прекрасна, и она была революционной, потому что революция-то и научила поэта так широко видеть мир. Не легендарный корабль из сказаний Свена Песнетворца вставал в нашем воображении, а Революция, шагающая через океаны.

...Навстречу Выстают полярные ворота. И над волнами жаровой круглой Солнце выдвигается. И волны Атлантической пылают солнцем...

Через много лет И. Бабель сказал следующие слова: «Любовь к справедливости, к справедливости и веселию, к веселию, умным словам — вот была его (Багрицкого) философия. Она оказалась поэзией революции».

Мне кажется, что именно так, может быть, не так кратко и точно, говорили мы на этой дискуссии. Зависев отвечать от имени пролетариата, мы тогда не ошиблись. Эдуард Багрицкий оказался поэтом революции. Его друзья не раз возвращались в воспоминаниях к тем временам, когда очарованным прекрасными видениями Багрицкий боялся, что видения эти не прыгнут по вкусу пролетариата.

Иля за гробом поэта, Ю. Олеса размышлял: «Ведь это же и есть сила искусства — превратить материал своей жизни в видение, доступное всем и всех волнующее... Багрицкий был поэтом жизнереальности большевизма, и оттого так высоко подняла его гроб страна».

Все имело отношение к революции — и Летуция Голландия, открывающий взору человека невиданные страны, и Тиль Уленшпигель, и веселые шпигель Бернеса. Было смешно, когда Багрицкого называли большим Уленшпигелем. Большой Уленшпигель — это же конспект, чепуха! Все равно, что зиньяна весна или безветренный ветер.

К счастью, пролетариат очень хорошо понимал то, чего не понимали случайные люди в прессе. Соорас с унылыми одесскими пролеткультовцами, требовавшими от Багрицкого абсолютности, а не современности, и всячески упрекавшим его, что он чудил рабочим, поэт стремился через их головы разговаривать с заводами и фабриками.

Он был в этом подобен Маяковскому. Презирая чиновников и глупцов и никогда не желая угождать им, он в то же время хотел угождать пролетариату, он хотел быть ему полезным, и не забыть мне никогда, как восторженно принимали его стихи рабочие канатной фабрики, являвших железнодорожных мастеровских и джуктового завода.

Он любил Маяковского и хотел нравиться ему, мечтал о его признании, потому что видел в Маяковском поэта революции. Чуждое повеление поэзии Маяковского он приветствовал в стихах еще юншей од революции. И по-настоящему огорчился он только тогда, когда ему сообщили, что

страстия романтика, прихвального владельца хозяйственно и весело управлять с играми собственного воображения. Как многие поэты, Багрицкий любил и уметь рисовать. Стоит взглянуть в его острые и талантливые наброски. Это — отходы в мастерской его фантазии, протесно забытые стружки, невзначай упавшие на пол из-под резца мастера.

Вспомните в этих устных фламандцев, в оплощенные или опухшие физиономии рыцарей, толстяков, уродец. Это времена существ, вызванных в жизнь ненароком, в веселую минуту или в рассеянности, когда подвернулся под руку бумага и карандаш, во всяком случае, между делом. Эти рисунки свидетельствуют о нежной, не до конца проявившейся в Багрицком возможности — драматурга или эпического поэта. Но прежде всего они свидетельствуют о богатстве его мира.

И действительно Багрицкий чувствовал себя, «как у себя дома» в разных странах и столетиях. Чаше всего он оглядывался на озорной, жизнереальный Ренессанс. Там у него были закадычные любимцы — Тиль Уленшпигель и Ламме. Там, под сводами тускло освещенной таверны, он слушал, как чурьюшню ругается и безалаберно острит Фластаф. Там, бывало, встречался он и с Вильоном, и с Рабле, и с Летуцией Голландией. Все это осталось живым на рабочем столе Багрицкого. Это не раз становилось воздухом и питательной средой его юношеских стихов — с такой же значительностью, как питала их природа натуралиста.

Позаком представлять себе, что дальнейший рост поэта знаменовался отходом от юношеских пристрастий. Незачем думать, что, ставши поэтом революции, Багрицкий оудил свой фантастический мир. Так не бывает и не должно быть. Чем нагруженнее фантазия художника, чем плотнее населена ее крохотная жплплощадь в черной коробке, тем богаче художник. И давние знакомцы Багрицкого — Тиль Уленшпигель, Вильон, Суворов, все эти чудачи, «веселые шпигель», бродяги, шпигелов и мечтатели — шли за ним до конца и встали у его изголовья поистине

Идеалы Багрицкого

Маяковского выругать однажды его стихи. Об этом стоит рассказать, так как вокруг этой истории накопилось немало лжи.

Эдуард Багрицкий в те годы жил в Одессе. Жил он трудно, сотрудники редакции относились к нему плохо — только за то, что поэт не покидает родного города, и потому они считали его литератором «местного» значения. Когда в Одессу приехал Маяковский, недоброжелатели подсунули ему старое стихотворение Багрицкого, отдавая «местного» поэта на суд знаменитого гостя.

Среди прочего Маяковский произнес одну случайную ироническую фразу о рубленных строках стихотворения Багрицкого, в котором каждое новое предложение, как правило, начиналось в конце строки. И все!

Маяковский об этом забыл, и мне точно известно, что и в ту пору он считал Багрицкого хорошим, талантливым поэтом, но незадачливые сотрудники редакции повлияли случайно фразу Маяковского как призыва к перестать печатать стихи Багрицкого. Он был очень огорчен и уже сомневался в том, нужен ли он пролетариату.

Сидя однажды в стихах у Маяковского в Волоколамском переулке, я слушал его телефонный разговор с приехавшим в Москву за «товарами» одесским редактором. Я спросил Маяковского: Владимир Владимирович, знаете ли, что произошло после вашего отъезда с замечательным поэтом Багрицким?

Маяковский слушал мой рассказ с тревогой, то и дело прокипая редактора. И когда тот пришел к нему, Маяковский свирепо набросился на него, всячески зашиная Багрицкого от холодного, преступного к нему отношения в одесской редакции.

Есть прекрасные болезни, ведь и поэзия — это тоже выходящая болезнь. Все толи болел Багрицкий тем, что он, как казалось ему, мало близок народу. Он боялся отделиться от него, стать непонятным, чуждым. Его легко было убедить в том, что он — полутчик и прочее, что он шагает где-то сбоку, в то время как он всегда шел по большой дороге революции. Он всю жизнь чувствовал себя виноватым, что мало сделал для революции, что не был ни комбинатор, ни коombatant, был гробовоз, не сокутал вражеских армий. Это была прекрасная болезнь. Но иногда, к сожалению, по этой причине действовало на него то, что казалось бы, не должно было действовать. Он начинал — увы — верить тем, кто отодвигал его в сторону и ставил вперед него средних стихотворцев.

Как хотелось бы ему рассказать теперь о торжестве его поэзии. О том, что в Одесском университете юноша читал на вечерние стихи и говорил об Одессе: «Город Багрицкого и Гарибальди». О том, как декламировали его стихи по ночам строители Комсомольска, как молодежь приходит к нему поговорить о нем и смотрит на меня с уважением, потому что я знал юного Эдуарда Багрицкого, чье великодушное имя звучит уже для них легендой. О письме главы студентов Запорожского педагогического института, в котором они говорят: «Мы, молодежь, любим Эдуарда Багрицкого, замечательного поэта и человека. Стихи поэта воспитывают в нас мужество, героизм. Никто не смеет так сказать о молодости, как Э. Багрицкий. Мы называем его просто Эдуардом, как называли его лучшие друзья».

И как-то привели в статью о Маяковском слова Роденбаха, сказавшего, что поэт при жизни похож на здание в лесах. После смерти падают леса, и здание преобретает во всем своем великолении. Мы, друзья Багрицкого, высоко ценили поэта и в дни его юности и в зрелые годы, но только сейчас, перелестывая его книги, я убеждаюсь в том, какой выдающийся поэт жил среди нас, как вдохновенно понимал он прошлое и настоящее и как прозорливо смотрел в будущее.

Оно живет и будет снова оживать в свежем восприятии растущих поколений советского юношества.

Багрицкий умер молодым, 37 лет, от жестокой и трудной болезни, которая превратила его, подвижного и обильного, в четырех стенах комнаты, в такте, в халату, в трубки с асмагалом. И все-таки в эту комнату мир врывается ярче, чем в непосредственно него здоровья. Поэтическая молодежь честно и жадно ждала от Багрицкого слова, которое частью определяло путь того или иного другого направления. Багрицкий никогда не заставлял напрасно ждать этого слова. Он знал, что педагогика — такая же творческая работа для зрелого художника, как раздумье над собственной рукописью. Он был страстным педагогом. Мир Багрицкого-поэта раскрывался и в этой повседневной учительской деятельности, по несчастью ограниченной кубатурой его комнаты. Об этой стороне его жизни уже написано красноречиво и трогательно воспоминание. И все же их недостаточно, и как раз в этой статье, особенно ценной для подрастающего поколения, опыте Багрицкого изучен очень хорошо.

Багрицкий был поэтом во всем, поэтом по существу, до мозга костей. Он был глубоко заинтересован в поэтическом бытии всех своих любимых-учителей, от Ломоносова до Блока и Маяковского, которых он читал наизусть, запоем, как пропантажит и одержимый.

Собственное творчество было для Багрицкого только частью огромного поэтического мира, в котором он жил. В этой творческой открытости Багрицкий был принципиален. Он считал его долгом советского поэта, долгом работника молодой, создательной культуры. В ее стремлении ломе он заново прорубал окна в мир и столько же заболтался о красоте постройки, сколько о нравственной чистоте своего отношения к ней.

Сегодня мы вспоминаем Эдуарда Багрицкого с нежностью, с печалью, с благодарностью судьбе за то, что она скрестила наши жизненные дороги.

Юность

Вспоминается жаркий августовский полдень в Одессе, 1913 год. Средний фонтан. Я бродил по берегу, изнывая от жары. Внезапный гуд привлек мое внимание.

Визг, по круизу, мчался юноша. Он был вренок и силен. Школадный загар покрывал его лицо и раскрытую грудь. Юноша пел, виждал, баланспру, чуб не унасть, размахивал руками. Сразлету он разом сел на песок, потом поднялся, слегка струсил с себя песчинки, посмотрел на меня и сказал:

— Будете знакомы. Не хотите ли прокатиться на каравелле? — Хочу, — ответил я, не совсем понимая, что будет дальше. — Трех биев! — весело воскликнул юноша. — Поехали!

Через минуту мы возникли возле какой-то «галопи», которую Эдуард романтически называл каравеллой. Мой новый знакомый деловито заправил парус, а же, не зная, что собственно полагается делать в таких случаях, конфузливо топтался вокруг. Эдуард насвистывал, пытался и надрыдался. Наконец все было готово. Лодка скользнула по воде, скрипя и кренясь на бок.

В то время я кое-что уже слышал о Багрицком. Где-то мелькнуло его стихотворение, кто-то говорил об его способности и м, его ровесники, бредившие Блоком, Верленом, Рембо, Эреда, искали новых стихов, новых имен и поэтических встречений. Мы жаждали творческих споров, интересных бесед, «ночных бдений», исполненных романтики, пафоса и бесконечных споров.

В тот же вечер я прочел мне стихи Багрицкого. И стало очевидно: так никто еще в Одессе не писал. Писала технически лучше, звучаче, писали эстетски, выкружачо, с ритмическими завитками.

Но так, как Багрицкий, еще никто в нашем городе не писал. Такого почерка, такого голоса не было ни у кого. Пусть это было порою еще технически несовершенное, но это было ясно, смело, а главное — мускулатура, без сентиментальностей, овеяно пороком романтических битьев, путешественной, чудесной силой большого сердца.

Лежа в лодке, он декламировал. Было тихо, совсем тихо... Лишь одиозно и скучно поскрипывали борты нашей лодки. В этой ясности и тишине гремел сильный, грубый голос Эдуарда. Помнится, читал он «Плывший корабль» Артура Рембо, читал страстно, жадно, прикрыв глаза и словно уходил в мир представших перед ним образов, метафор, сравнений.

Я до тех пор никак не слышал подобного возвышенного и вдохновенного чтения. Вскоре он вскочил, лодка резко качнулась, он встал во весь рост, ладно скроенный и здоровенный, и голос его зазвучал еще громче. Не было сомнений. Это был поэт! Может быть, первый настоящий поэт, которого я видел в жизни.

И тихое солонное море, и мой полюбивший, так взволнованный и покоривший меня знакомый, и его шуточки и меткие характеристики, и острые словечки — все это навсегда осталось в моей памяти как одно из самых пленительных воспоминаний юности.

Но вот начало 1934 года. Я сидел у Багрицкого и читал ему свое стихотворение, написанное для астралы. Он внимательно послушал, похвалил первую часть, зато вторую буквально изничтожил. Раскритиковал и разругал.

— Что же делать? — спросил я. — Правильно? — Нет, правильно не надо. Не поможет. Напишите все заново. Другое.

Это было сурово, но и бесконечно дружелюбно, это было добродетельно и искренно.

Потом, в эту последнюю нашу встречу, мы вспоминали юность, вспоминали, кстати, и августовское катание на «каравелле» в Одессе в 1913 году.

Я ушел от Багрицкого, глотнув из чистого рюмки поэзии, унося в душе какую-то особую чистоту и свежесть. Такая чистота дается лишь общением с людьми большого духа и ярой одаренности. И мог ли я думать в тот снежный вечер, болро шагая по московским улицам, что через каких-нибудь 15—20 дней замолкнет благородное, возмозженное сердце замечательного советского поэта...

Эдуард Багрицкий.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Мир поэта

С тех пор как умер Эдуард Багрицкий, прошло пять лет. В условиях нашей действительности это очень большой срок.

Говоря уже об исторических переменах, о росте нашей страны, о ее борьбе и победах, — сколько произошло в пределах самой литературы, запомнившихся, значительных событий!

Сейчас мы живем в эпоху беспрецедентных успехов нашей страны. Мы приближаемся к петроградским этапам мировых культур Закавказья и Средней Азии.

В течение столетий лежавших под землей, еще не зная о том, что его великая жизнь обрвана злодейской рукой...

Этот вечер посвящается не только поэту, но и поэзии, которую он создал. Мы хотим вспомнить не только его, но и поэзию, которую он создал.

дня его смерти. Не надо быть слишком чувствительным или близким к нему лично, чтобы почувствовать укол в сердце при мысли о том, что Багрицкого нет.

Прежде всего хочется вспомнить его как личность. Неповторимо яркую, необычную во всем, поэтическую в самом благородном и точном смысле слова. Еще задолго до того, как он появился в Москве, о нем ходили слухи и легенды. Еще не зная его стихов, мы познакомились с Багрицким, с «бездельником Эдуардом», как с героем литературного повествования, — в рассказе В. Катаева.

И появление самого Багрицкого в Москве не разочаровало заинтересованного ожидания. Перед нами возник ступенчатый, несколько грозный человек, с шапкой из пельных, спутанных, падающих на лоб волос, с хрипловатым низким голосом, с благодушным юмором, с прямотой и резкостью своеобразных оценок и суждений.

Он привез с собою с юга кипу нераспечатанных в творчестве фронтовых и черноморских воспоминаний, веселую, трудолюбивую энергию поэта, поистине влюбленного в свое искусство. Кроме того он привез собственный поэтический мир, — нестерпимый и на первый взгляд сочувливый противоположности. На самом деле это был органически цельный мир, присущий только ему, Багрицкому. — добротный багаж художника, которому предстоит длительное путешествие.

В этом мире почетное место занимала природа, — не фетовская, не предмет созерцания и культура, а природа натуралиста, природа мастера, с микроскопом крохотных зрачков и рождений, любовных бытов и поисков корма, — природа, ошущанная сачком и микроскопом. За Багрицким стояла многолетняя и бескорыстная дружба с овчаркой и воспитание ее. За ним стояли всемирные прыжки, ружнички, болота, женщины и миллионные с детства, агаричи и клетки с птицами; раскрашенные атласы, указатели и определители природы. У него были навыки человека, творческого во всем, к чему бы он ни прикасался.

В этом мире поэт был давние притворением себя, что дальнейший рост поэта знаменовался отходом от юношеских пристрастий. Незачем думать, что, ставши поэтом революции, Багрицкий оудил свой фантастический мир. Так не бывает и не должно быть. Чем нагруженнее фантазия художника, чем плотнее населена ее крохотная жплплощадь в черной коробке, тем богаче художник. И давние знакомцы Багрицкого — Тиль Уленшпигель, Вильон, Суворов, все эти чудачи, «веселые шпигель», бродяги, шпигелов и мечтатели — шли за ним до конца и встали у его изголовья поистине

печотным караулком, — рылом с вузовцем, поэтом и слесарем.

Но тем значительна и высока судьба Эдуарда Багрицкого, что именно он, со всем богатством своего мира, со всей своей веселой и сложной инструментальной культурой, был не только поэтом-романтиком, но и верным сыном своего времени и бойком пролетарской революции. Речь идет прежде всего о биографии художника, чьим университетом и чьей академией были гражданская война, особый партизанский отряд имени ВЦИК, агитки Угрюста, телушки красногвардейцев, одесское подполье в дни интервенции.

Мир поэта был непомерно богатен и разнотипен волеи самой истории. Природа и романтизм начали жизнь удесстеренной жизнью рядом с тем, что дала Багрицкому революция. Она определила его место как бойца за дело молодого класса, и он понял ее язык навсегда.

Здесь начинается разговор о том поэте, который прочнее всего остался в своих собственных книгах, — и этот поэт как будто уже не нуждается ни в липнем признании, ни в анализе. Им написаны блестящие произведения, украшающие советскую культуру. Они составляли часть ее железного фонда. Это прежде всего — «Дума про Опанаса» — источник такой прозрачности и глубины, и его хочется поставить рядом с жемчужинами народной поэзии, рядом с лучшим в наследии Шекенко.

Но не только «Дума про Опанаса». Из всей спелой ни песни слова не выкинешь. Она не столь длинна и многословна, эта песня. Багрицкий был выдающимся художником, он выдвинул один из главенствующих в художестве страстей — страсть концентрации, сжатости. Она заставляла его исчеркивать уму черновики прежде, чем он считал, что достиг искомого. Таким образом в нескольких его книжках, таких маленьких по числу страниц, заключены весь отобранный им смысл, выжатый до предела «Багрицкий». Остальное (к нашему сожалению и к стыду наших издательств!) мы еще не знаем. Это немного зачитано наизусть.

Оно живет и будет снова оживать в свежем восприятии растущих поколений советского юношества.

Багрицкий умер молодым, 37 лет, от жестокой и трудной болезни, которая превратила его, подвижного и обильного, в четырех стенах комнаты, в такте, в халату, в трубки с асмагалом. И все-таки в эту комнату мир врывается ярче, чем в непосредственно него здоровья. Поэтическая молодежь честно и жадно ждала

СЕМЕНА ЖИЗНИ

К открытию Всесоюзной выставки «Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве». «В. И. Ленин в Смольном среди красногвардейцев». Картина Гребенщикова, 19 лет, учащегося Казахской ССР.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Стихи К. Мурзиди

Хорошие мысли и темы превращаются в суасальную, они погублены, несмотря на лучшие намерения авторов.

Следовало подробно остановиться на этой балладе Мурзиди потому, что часто и в других его стихах встречаются раздражающие строки, вроде

Флагманы поднимут
Гром на крейсерах (!).

Стихи теряют конкретность, превращаясь в патку строф, из которых автор представляет читателю возможность складывать изображение мира. Нельзя так небрежно и так безразлично писать:

Смеется растонная мать
И что-то говорит...
А где-то в громе и огне
Сражается Мадрид.

После этих строк не воспринимаются и хорошие строфы. Это тем более обидно, потому что Мурзиди показывает себя в других стихах поэтом вдумчивым и способным. Настоящим гневом полны стихотворные «Материал моих друзей».

...вижу я:
Как из разгромленной Кордовы
Идут, гуляя своим верном,
От мушкетеров и вояки;
Но трусу нет среди них жены!
На время радости утратив,
Через окопы и котры
Они идут по следу братьев;
Но трусу нет среди них сестры!
Идут — и каждая в надежде
Увидеть сына поскорей;
Но жалким тусом, как и прежде,
Среди них не будет матерей!

Реци Паскуария, полные поэтического огня, переделаны поэтом благомерно и ясно. Вообще стихи испанского цикла наиболее удачны Мурзиди. Интернациональная тема, видимо, глубоко почувствована поэтом. Интересны стихи о пленном итальянце — анонимальное великого Данте. Глубокая мысль лежит в основе стихотворения «Богатыря».

Мурзиди умеет найти интересную тему, оригинально развить ее в стихах. Однако поэт заслуживает серьезного упрека. Мурзиди живет на Урале, но о своем интереснейшем крае он не говорит в стихах ни слова. Хорошо, что он пишет об Испании и о Средиземном море, но нам кажется, что уралец Мурзиди мог бы написать об Урале лучше, чем кто-либо другой. Это не пустая приписка и не называемые темы. Но конкретность поэзии глубоко связана с жизнью поэта. Поиски своей темы помогут вырваться из душевной ложности поэтической атмосферы к чистому воздуху настоящей поэзии, близкой народу, живущей его чувствами и мыслями. Это уместно, наиболее способным и упорным. Прочитав книгу «Отчизна», хочется верить, что Мурзиди это уместно.

Столбы, вкопанные в углы доисторических землянок, оставили следы: в том месте, где выгнали они, иная плотность земли. На дне могил людей «ямной культуры», живших в нижнем Поволжье, сохранились следы инструментов, которым рыли ямы: это узкая, вероятно, деревянная лопата.

Земля хорошо сохраняет следы, сохраняет на много тысяч лет.

Но еще лучше сохраняется слово.

Над прочтостью шутки смеялся своеобразный историк Марк Твен. Его герой, американец, попадавший в VI век и сидевший за столом короля Артура.

Здесь он слышал анекдоты.

«В жизни своей я не слышал такого множества старых, затасканных, избитых шуток: это было хуже песен бродячих певцов, хуже клоуна в цирке. Было ужасно трудно сидеть здесь, за тридцатидесятилетний дет своего рождения, и снова слушать жалкие, плоские, издевательские прибаутки и шуточки, над которыми я в детстве надрывал животик, тридцатидесятилетием спустя. Это почти убедило меня в том, что в области шуток нет возможности выдумать что-нибудь новое».

Конечно, сам Марк Твен не был в VI веке, но его замечание любопытно как свидетельство юмориста, который знал юмористическую литературу.

Анекдот существует долго, существует, перевоплощаясь. Не нужно думать, что он не изменится. Он живет, как язык, изменяя свой смысл.

Он превращается так, как кривошипный механизм, созданный для станка точильщика был превращен Уаттом в часть паровой машины.

Он превращается так, как насос для поднятия жидкости был превращен тем же Уаттом в универсальный двигатель.

Очень легко, или по крайней мере сравнительно легко, думать, как рождается произведение искусства, и сравнительно трудно понять, как оно переживает обстановку, его создавшую.

Рассказы, которые слышатся рынки старого стола, — это последние новости относительно с теми вещами, которые были созданы в вавилонском эпосе или даже в эпоху Троянской войны.

А между тем, те рассказы свежи и поэтичны.

Толстой читал куски из Гомера ученикам-эллинистам школы, и правда не все, но многое доходило до них.

Почет Ярославна на стене Пустыля, — прошло 700 лет — и стен нет, может быть, остался только след в земле, — а «Слово о полку Игореве» живо.

Оно живет и само по себе, оно нам понятно, оно живо в Западнине, оно живет в Гогае, в Блоке.

Оно бессмертно и само в деталях.

Искусство как бы имеет собственное время, собственный возраст, но иногда оно превращает события, в нем время первый раз ощущает свое будущее.

Искусство, говоря языком, созданным прошлым, отражает настоящее.

Художнику приходится бороться с прошлым, приходится добиваться изменения смысла слов.

У Чехова есть рассказ о том, как писарь пишет старухе письмо.

Старуха говорит живые слова, а писарь пишет мертвые, пошлые формулы. Старуха не понимает, куда исчезло ее горе.

Этот писарь — лабиринтчик.

Пересматривая многие толстые романы, видишь, что написано в них о полезных вещах. Географические названия нам знакомы: вот Днепрострой, а вот Магнитострой, и фразы как будто знакомы из газет, а события похожи на другие романы.

Романы эти похожи и на старые романы, и на новую жизнь, как будто бы, но это не романы о новом.

Это анекдоты с новыми именами, те анекдоты, которые слышат бедняги американцев за круглым столом короля Артура.

Третьи создали свои драмы на основе мифов, на основе рассказов, в которых сталкивались системы верований — культурные эпохи.

Может быть настает время, когда большинство романов, сейчас написанных, будут спокойно забыты, а эпоха наша будет жесточайшим источником для создания рассказов и драм.

Надо сейчас искать, что же нами создано нового.

В историческом романе как будто нам удалось увидеть человека работающим.

В рассказах Зошченко и Иванова нам удалось показать новые коллизии жизни.

В лучших рассказах Чехова человек обнаруживает себя, но себя он не замечает.

В эпохе Чехова человека можно разбить, но нельзя его переделать. Люди растрачены, привязаны к жизни.

Писатель писал правду.

Необходимость писать правду была как будто несчастьем Гоголя.

Есть рассказ Всеволода Иванова, написанный во 2-е издание «Избранного», под названием «Фототраф».

В этом рассказе художника обвиняют в том, что он пишет правду.

В городе П. грязной осенью ночью бандиты убили ответственного работника Вурашова.

Он умер мужественно, он защищался.

В город послали фотографа Николая Николаевича, который снял похороны. Фотографом этим были недоволены.

Городок П. был украшен кремлем и Волгой, одна из улиц городка имела бульвар, были в нем корявые липы и желто-бурые груды опавших листьев, и ржавые ворота кремля, обожженные глубокими настолью, что ворота сверху казались покрашенными белыми.

Во всем этом была спокойная, уверенная в себе, вызывающая гордость, красота.

Вокруг гроба суетились, а плакала одна курочка.

Она сказала: «Вот и плачу, что никто не плачет».

Людям случались около аппарата желя в кадре. Люди хотели быть знаменитыми. Шел дождь. Под дождем являлись парочки, чьи на снимке получился и парочкой с дымком — красивое будет.

Снималось несколько жен покойного, которые не плакали.

Режь за суматохой забыли сказать.

Николай Николаевич вернулся домой.

«Со злостью и глотком пропел он в свою лабораторию, поспешно проывая, напечатал, — и сразу же на душе стало тепло, и даже слабость, мучившая его, прошла. Секретарь Шааарев, не отрываясь от стола, сунул в тусклому и мзурому своему носу карточку и неразборчиво пробормотал: «У вас за последнее время скептицизм появился. Тут, во-первых, покойника нету, а, во-вторых, вы что же мне рож тут каких набрасали! На киноаппарат готовьтесь!» Шааарев кино считал низким удовольствием, потому-то он и промовлял с наслаждением: «Не пойдешь, и вернувшись Николаю Николаевичу все его отчитывая».

Не надо думать, что Всеволод Иванов, автор партизанских повестей, видит сейчас в нашей стране только красоту реки и скачущих людей, добывающихся места на фотоприемнике рядом с гробом человека, которого они не любят.

Можно подумать, что рассказы Всеволода Иванова пессимистичны.

Люди в этих новеллах живут трудно, и вкус жизни для них горек.

Но Иванов изображает не горечь жизни, а изменение жизни.

Старый уклад, по-своему богатый, кончился для всех.

Об этих людях человечество должно знать, но не только о них пишет Иванов.

Старое прошло, прошло навсегда, изумительно прошло.

Есть рассказ у Иванова «Сервис». Жила старуха, жила столько лет, сколько может жить человек. Жила вокруг чужих вещей и их охраняла. Старый буфет и фарфоровые тарелки с блестящими цветами на них были важнее ее жизни. Она эти тарелки охраняла. Звали старуху Катериной Алексеевны. Но сервис, хотя и не имел имени, был ее важнее.

Умирая, старуха послала девочку, которая ей прислуживала, за двумя тарелками.

И тогда старуха, преодолевая нестерпимую сонливость и стараясь как бы выпрямить свое ступеню в сугорю луно и думать, что это ее улетит, — разомкнула медленно спавшиеся свои руки,нула на каждую руку по тарелке. И когда она вышла эти тарелки, она ясно почувствовала — теперь ей бороться нечего, она вымакнула яростно руками, и веселая и легкая бодрость овладела ею, и сон дул сухим ветром на ее глаза. Она уже не слышала, как стукнулись и разбились в ее руках тарелки...

Мир изменился чрезвычайно.

У людей привязанность к старому осталась как любовь к старым вещам, которые являются центрами жизни.

Но люди сами не знают, насколько изменилась их душа.

Всеволод Иванов в своих рассказах со-

дает новые сюжеты, выражающие новые жизненные моменты. Есть в книге рассказ «Б. М. Манюков и работник его Гриша».

Жил Манюков, имел семейные бани, была у него племянница. Племянницу опозорили. Надо было ее выдать замуж. Выдали ее за работника Гришу и дали две с половиной тысячи приданого.

Пришла революция. Манюков разорился, сталась у него пенсия: кровать, украшенная великими миниатюрами. Он эту кровать закрасил и прибрел. Лил Манюков и боялся фининспектора, и как-то раз увидел около своего дома чужого человека. Борис Митрофанович испугался.

Он думал, что это новый фининспектор, а потом узнал Григория Гущина.

И Гриша рассказал Борису Митрофановичу, что был у них с женой сын, и сын утонул во Волге матросом. И плыл он по Волге на подвальной лодке и посылал родителям объясняющие письма. Погиб сын.

Остался Григорий Гущин с женой, той самой Верой, которую он выдал когда-то за две с половиной тысячи. У них чайная и кони, они сидят на берегу Волги и перечитывают сыновьи письма.

«Рассуждаем мы и дальше: прот, мол, Вера Ивановна, сын-то наш шел прот, мол, за спасение поганца, а мы живем как-то неточно, и вот ведь и женился-то я на тебе, говорю, Вера Ивановна, тоже неточно, не по любви, а потому что банщик Борис Митрофанович дал мне за тобой в приданое, или лучше сказать, чтобы успокоить свою банную галуху, две с половиной тысячи рублей. Купил, одним словом, говорю, мужа тебе, Вера Ивановна!».

Умерла Вера. Гриша собрал деньги, которые он копил с женой, заранее зная, на что копит, и принес Борису Митрофановичу.

Вот это выкуп прошлого.

Как хорошо это сделано, вы увидите, когда прочтете рассказ сами.

Рассказы Всеволода Иванова написаны в стремительные годы. Многие литераторы тогда, стараясь поспеть за событиями, не писали книги, а раскладывали сюжетные рассказы, развешивали перед героями отдельные части проблемы, писали о людях только плохих и только хороших. Медленное и в то же время быстрое, драматическое в своем существе превращение старого человека в нового человека, изменение пережитых капитализма в сознание граждан первой социалистической республики, столкновение новой нравственности со старой казалась в описании многих несимметричным.

Мы пропали очень серьезные годы. Старое уходило и отходило совсем не так просто, как в кино, хорошо обставленные метафорами, книги со стремительно текущим сюжетом оказались хуже, чем плашки. Оказалось, что книги эти лгут.

Всеволод Иванов лгнул и просто вошел в советскую литературу, читатель его полюбил за партизанские повести. Но в партизанских отрядах шли вместе люди, которые часто потом надо было разойтись. Путь от партизанских повестей к рассказам 30-х годов был труден для Всеволода Иванова. Не многие в литературе смогли вместе с ним войти на высокую гору новой темы.

Всеволод Иванов в своих рассказах искал новых сюжетов, не пытаясь также просто написать современные рассказы. Он увидел и записал жизнь в ее превращении.

Он показал сильных людей, не всегда счастливых. Он показал рост и превращение их.

Рассказы Всеволода Иванова — это рассказы о семенах жизни, рассказах о борьбе нового и старого в душе самого человека, рассказах о том, как человек отказывается — отказывается потому, что он вырос — от дряхлого чувства собственности.

Меняется любовь. Человек остается живым, он желает не меньшего, а большего, чем желал прежде.

Литературное произведение кончается не на первой странице. Нельзя показать победу, не показав борьбы, и дать подьем, не давши трудности подема.

Вещи Всеволода Иванова не перепадавались долго, потому что многие люди, отвыкшие от смелости, рассматривали писателя как аккомпаниатора к кинокартинке жизни; могут на экране меньшие кадры, а иллюстратор играет вальс подходящего темпа.

Всеволод Иванов в своих вещах исследовал жизнь.

Величайшая заслуга его является то, что, показав тину мелочей, их холодный, раздробленный повседневный характер, он показал и вдохновенное сегодняшнего дня, вдохновение, дающее и слабым сильным, тогда, когда они попадают на дорогу времени.

Старому наборщику надо набрать прокламацию. Наборщик слет. Из-за его беспомощности погибнет город. Вдохновение посетит наборщика.

«Горло у него пересохло; губы далеко ушли в рот, тогда мозг его зашляпал, необычная радость, такая, какой он не испытывал с детства, да и то вспоминал об этой детской радости были и по сие время ясны и необъяснимы. — Эта радость вдруг выпрямляла его. Слезы потекли у него из глаз! Литера из ладони опять вернулась в пальцы, в уругри пальцы, и он увидел теперь, и он вспомнил только теперь, как давно он не видел моря на своих пальцах... Как давно... Но ему некогда было вспоминать, потому что он внезапно расшаркался, что из касы он взял не литеру «Т», а литеру «С», лежащую рядом: «Ошибка», — сказал он вслух, кинул букву обратно, и твердыми пальцами, описывая полукруги об этой детской радости, присел литеру «Т», за ней «О», за ней «В» и так далее...».

Мы недостаточно ценим нашу советскую литературу.

Когда-то Достоевский писал, что он каждый год читает статью о том, что русская литература пала, а между тем за время жизни его, Достоевского, был целый ряд преспокойных людей.

За 20 лет писал Блок, работал Хлебников, русский стих изменился, обогатился чрезвычайно. Писал Горький, писал Маяковский.

Мы можем перечислить целый ряд имен, из которых одни уже совершенно бесспорны, другие во всяком случае очень значительны.

Изменился исторический роман, и об этом мы писали тоже очень мало.

Изменилась новелла.

В изменились Зошченко, Всеволод Иванов и Вабель.

Современная литература — это не холодное расписание тем, не изображение благополучной жизни и маленьких семейных трагедий.

Человек иногда кажется слабым в сравнении с временем. Но никогда сильнее не было так хорошо, а плохое так плохо, как в наше время.

Всеволод Иванов сумел написать книгу о времени трагическом, убивающем одних и возвращающем другим зрение для подвига.

Когда же выйдет сборник о Маяковском?

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Весной 1938 года Институт литературы Академии наук СССР принял решение выпустить первый сборник научно-исследовательских трудов о великом поэте Владимире Маяковском. Был организован большой авторский коллектив из ученых Ленинграда, Москвы, периферии. Разработан план сборника, распределены темы и т. д.

Прошел год. Хотя многие ученые начали работу, а некоторые свои статьи и исследования уже закончили, судьба сборника о Маяковском остается крайне неопре-

деленной. Издательство Академии наук до сих пор не удалось оформить свои отношения с авторами сборника и выпускающим эту книгу Институтом литературы. На все запросы, на все письма издательство отвечает, невозмутимым молчанием.

Не лишне вспомнить руководителем издательства слова товарища И. В. Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразлично к его памяти и его произведениям — преступление».

И женщина поэт
Метнулась, чуть дыша,
И теплыми руками
Схватила малыша...

одна эпитет «теплые» обает читателя паткой, делает все стихотворение дышащей. Конечно, дальше следуют рассуждения о том, что мальчик вырастет и «сбудет капитаном, pilotом, валь бойком».

Таких стихов много можно найти на страницах журналов.

Г. МУНЬЛИТ

«ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДИЕ»

Если бы героем этой книги был настоящий молодой человек, о реальной биографии и опеделенности, верно понятый как характер — его история могла бы быть глянцевой. Тогда в рассказе о нем отразилась бы много из того, что его окружало. И эта книга стала бы одной из немногих книг о героях нашего времени.

Но все это пустые мечты, и роман В. Лосева может служить для них лишь поводом.

Потому что все без исключения люди, составляющие этот роман, и все события, происходящие в нем, выглядят так, будто они изображены не на основании опыта, а в результате предположений и в том же предположений не слишком вероятных и недостаточных обоснованных. И еще потому, что В. Лосев не стремится в своем романе следовать истинному течению событий, а направляет их весьма своеобразно и всякий раз так, как ему кажется нужным для доказательства мысли, которая кажется ему правильной.

В романе рассказана биография юноши из интеллигентной семьи, в революционные годы ставшего взрослым. Его похождения, мысли и чувства полна эта книга. Формирование его характера и составляет его главную тему.

Дмитрий Ордынский, по замыслу автора — умный и честный юноша, обременен в романе проклятым наследством: семья интеллигентского круга, в котором он родился и вырос. Вся его сознательная жизнь отдана стремлению победить в себе это наследство. И надо отдать справедливость автору, — он делает все, чтобы помочь своему герою.

Поведению, для этой цели главный смысл всех коллизий, в которых участвует Ордынский, состоит в борьбе людей, живущих в семье и получивших интеллигентный характер, образования не получившим. Причем неизменно оказывается, что первые — гораздо злопыхатнее и глупее вторых.

В начале пятой части романа Ордынский, к этому времени усвоивший в пол-

ной мере все, чему за протяжении четырех частей учил его В. Лосев, пишет книгу. Ее содержание тут же изложено. Это история двух мальчиков — Миши и Жени, из которых первый «сын бабушки» — обитал в подвале, а второй — «сын профессора» — в бельэтаже. О родителях этих мальчиков сказано следующее: «Мишин отец был всегда беден, часто кашлял, ругался... Нередко он напивался и тогда начинал кричать и плакать... Женин отец, высокий, чистый, в золотых очках, никогда не ругался и был таким важным, что даже городской козырял ему». Этих предположений оказывается достаточно, чтобы сделать первого мальчика хороним, а второго скверным. Дальше каждый из них идет своим путем, описанным весьма кратко. И вот финал этой книги — драма.

«Однажды инженер Евгений Лайко вошел по какому-то делу к заместителю наркома. Когда Лайко вошел в кабинет, из-за стола поднялся ему навстречу Миша Ильин. Лайко похолодел. Он почувствовал, что ему нанесен тяжкий удар. Он воспринял эту встречу как оскорбление и вышел из кабинета врагом Михаила Ильина».

Дальнейшая их история была историей падения Евгения Лайко и его друзей и возвышения Михаила Ильина и его друзей.

А в общем, это была книга о героях эпохи».

Как видит читатель, — золотые очки и городской подкалмег сделали свое дело.

— Но здесь приведено содержание книги Ордынского, — может сказать читатель, — Лосев ведь может думать иначе.

Чтобы рассеять эти сомнения, следует рассказать об одной из центральных коллизий, происходящих в романе Лосева.

Режь идет о борьбе, какую ведут в редакции большой московской газеты, где Ордынский работает корреспондентом, между представителями «старой интеллигенции» с представителями интеллигенции новой.

Следует заметить, что возрастное различие между первыми и вторыми нет. И причиной для антагонизма служит опять все та же пресловутая наследственность.

Плоды этой наследственности у «старых интеллигентов» Лосева таковы:

«Эти люди судили о жизни с таким видом, как будто уже ничто не может их удивить. Ко всему они относились скептически и насмешливо. На летучках шутили о том, что газету нужно оживлять, и под этим предлогом старались послушать дельные замечки, претендующие на сенсацию. Писали фельетоны, в которых политическая острота заменялась зубоскаль-

ством. Им ничего не стоило обобщать человека, смеяться его с грязью... Если появлялась книга молодого писателя из рабочих, они презрительно шурились, как бы говоря, что, конечно, рабочих нужно читать, но где им создать настоящую литературу...»

Здесь да будет позволено задать В. Лосеву два вопроса.

Первый: какие у него основания считать описанных им людей — интеллигентными? И второй: почему он думает, что ненависть этой группы воинствующих пошляков к людям пролетарского происхождения — уловкой конфликт нашего времени?

Он ведь ходит из того, что дрянные людишки, описанные им, — достаточно распространенная у нас категория. Больше того, он беспрестанно толкает читателя к мысли, что Ордынский чудом вырвался из этой среды. Между тем ян в старости, и к новой интеллигенции этих людей причислить нельзя, распространены они у нас мало, а Ордынский, если принять его биографию и характеристику, данную самим Лосевым, никак на них не похож.

Лосев думает иначе. Но его мнение, смысла существования Ордынского состоит именно в том, что ценой жесточайших усилий он порывает с этой средой, близкой ему органически, и связывает свою судьбу с жизнью новых людей.

Вель если бы Лосев этого не думал, он бы не повесил свой роман борениям и мукам предположенного героя, в смертном поту и ужасе преодолевающего поозр своего происхождения и с чем-то порывающегося, чтобы иметь возможность приобщиться к новой жизни, созданной руками «простых людей».

Он бы изобразил его полностью членом нового общества, старающимся прилежно на деле как можно лучше, то, чему его научили. Он бы понял, что между этими юношей, лед которого был революционным отпором — журналистом, в постылом поре своей жизни существовавшим большевиком, а старший брат — участником гражданской войны и коммунистом, — что между этим юношей и людьми, строящими новую жизнь, нет никакой пропасти. И он наконец не стал бы утверждать, как он это делает в своем романе, что родные мята капитализма — исключительное достоинство людей, вышедших из интеллигентной среды.

Нет, В. Лосев недостаточно ясно представляет себе социальный смысл слова «интеллигент» и неверно понимает существо конфликтов нашего времени.

Люди, вышедшие из среды мелкобуржуазной интеллигенции, к которой он причисляет своих редакционных репортеров, возглавляемых «молодым стуллым блон-

дином, лысым, с мертвенно-бледным лицом, всегда разительно отличался от выходящих из интеллигенции буржуазной. И если вторые — потомки столычных адвокатов, заводских директоров или крупных чиновников — многие в революции потеряли, то первые — сыновья земских врачей, рядовых инженеров, мелких служащих или учителей — очень и очень много приобрели. Это правда, что земских врачей и мелких чиновников было немного в рядах людей, с оружием в руках испровергавших старый порядок. Но значит ли это, что их сыновья не будут отстаивать новый порядок нарду с сыновьями рабочих и крестьян?

Нет, глубоко неверно и политически вредно полагать, что эти люди мысли своей, когда в руках т. Молотова о третьем пятилетнем плане черным по белому значится:

«Социалистическое общество в СССР состоит теперь из двух дружественных друг другу классов — из рабочих и крестьян, грани между которыми, а также между этими классами и интеллигенцией, стираются, постепенно исчезают».

Сегодня в нашей стране борьба ведется отнюдь не между потомками «старой интеллигенции» и новыми, советскими интеллигентами. Им не из-за чего бороться, у них одна жизнь, одна работа. И все молодое и жизнеспособное поколение в нашей стране выступает в этой борьбе единим союзным фронтом.

Разумеется, жизненный путь Дмитрия Ордынского, если принять ланную ему Лосевым генеалогию, возраст, профессию и склад ума, в реальных условиях выглядел бы совсем не так, как в этом романе. Трудности, стоявшие перед молодым человеком этого типа и поколения, были менее мучительными и ровными, но борьба его с ними протекала далеко не так просто, как это происходит в жизни героя Лосева. Реальному Дмитрию Ордынскому не нужно было мучительно преодолевать в себе «интеллигентскую мягкотелость», гипертрофированное себялюбие, отчужденность от своего времени. К реальному Дмитрию Ордынскому никакой Запцев не посмел бы обратиться с такой тирадой, какую смиренно выслушивает Ордынский из лосевского романа:

«Вы терзаетесь и не находите себе места... Если хотите знать, ваше положение жалкое, чем вам кажется. Дело в том, что вы постоянно думаете о себе, как будто интереснее этого нет ничего на свете. Кончайте с этой изнурительной душевной возней. Откажитесь от мусора... Помогите, чтобы кругом делается — кам, ни поэт, создается заново мир, а вы терзаетесь».

Шутка сказать! Эти слова обращены к молодому человеку выросшему в советских условиях, к человеку умному, честному, работящему, талантливому. И по утверждению Лосева, он, слушая их, «чувствовал, что Запцев прав».

Нет, реальный Ордынский не нуждался бы в подобных нравоучениях. Ему бы не потребовалось сообщение о «поющих камнях», чтобы увидеть совершающееся вокруг. Он бы не попал как желторотый венец о дурными наклонностями, в лапы диверсантов, заманивших его при помощи стандартной приманки из бульварных романов, — роковой женщины с «золотыми искорками в синих глазах». Он бы не пришел к необходимости ехать в Арктику, чтобы отчитаться от интеллигентского скверняка, как это уже однажды сделал герой другого романа. Его жизнь сложилась бы иначе. Другие бы были в ней трудности, другие цели, другие пути. И уж во всяком случае он не выбрал бы себе в учителя жизни редактора газеты Запцева, который проносив в романе тирады о поющих камнях, но не умеет выдти своей собственной жизни, и жене, упрямой в Гагры хочешь? Или в Новый Афон? Или, может, куда-нибудь еще?»

Этого немудрого и напыщенного ролеера мог превратить в учителя жизни лишь по крайности своеобразный автор, не склонный делать своих героев настолько живыми, чтобы они могли опаривать его заблуждения. Будь Ордынский в романе Лосева сколько-нибудь более реален, он бы вытеснил из романа эту условную и ложную схему положительного героя, которую автор навязывает ему и читателю в качестве человеческого идеала.

Он бы не стал любить тех женщин, которых выбрал ему Лосев. Не женился бы на Нине так скорпалительно, не успев рассмотреть в ней безвольное и глупое существо, столь легко увлеченное впоследствии предателем и негодием, беззачинным в своей видимой невооруженности глазу мерзостью. Не влюбился бы в Евгению Аркадьевну, потому что знал бы, по скверным романам, все о женщинах этого типа. Не полюбил бы наконец Галину Павлову — бойкую девушку из редакции, все достоинства которой, исчисленные в романе, ограничиваются тем, что она «постыживает каблучками» и бойко пишет. А если бы и полюбил, скажем, эту последнюю (мог ведь и легкомысленно поступить в этом случае), то вряд ли поцеловал бы ее впервые на площадке трамвая так, чтобы ей «совсем было перед глазами» и чтобы она вынуждена была крикнуть ему: «Это нахальство!»

Реальному Ордынскому пришлось бы гораздо труднее, если бы жизнь столкнула его с лицом к лицу с предателями и диверсантами. От него бы потребовалось гораздо больше твердости, пробытальности и мужества, чем это оказывается достоянием для героя Лосева. В целом ряде случаев ему было бы труднее распознать врагов. И вместе с тем он никогда бы не пошел на их удочку так наивно, как это произошло о его литературном собрании.

И наконец период его биографии, описанный Лосевым, в реальных условиях никогда бы не завершился таким мирным, идиллическим апофеозом, каким он завершается в этой книге. Рано бы еще в его жизни раздавался столь торжественным финальным аккордом. Рано еще ему так бездумно предаваться покою и счастью, чудодейственно разрешая все мучившие его дотоле сомнения.

Жизнь ведь продолжается, и точка, поставленная в конце романа, — лишь условный знак, прерывающий рассказ, окончание которого неизвестно. Не следует этот знак сопроваждать выветкой, изображающей счастливое завершение всех тревожений, забот и бед.

О романе В. Лосева можно было бы еще многое написать. С одной стороны, это, по моему, что, бродя в потемках, спотыкаясь и путаясь, автор, сам не помышляя о том, иногда касается в своей книге очень важных и интересных вещей. С другой, потому, что этот роман являет собой какую-то энциклопедия литературных неумений, ошибок и заблуждений. Подальшее большинство представлений, образов, ситуаций перенесено сюда не из жизни, а от книги. Без разбора, без самостоятельного отношения к вещам, даже без особой надобности. Беспомощна в романе композиция, заставляющая читателя путаться в месте действия, во времени, в предположениях о том, что чему предшествует, бледен и вал диалог, неумелы и несамостоятельные описания. Бледен язык. Все это можно было бы разобрать подробно, снабдив примерами, обсудить.

Вместо этого мы ограничились тем, что приведем в назидание автору великолепное и краткое определение Флобера:

«Слово всегда найдется, если владеешь ислеем».

Серго Орджоникидзе

Я не много и не часто видел Григория Константиновича. Можно сказать, считаясь. Впервые я его увидел зимой 1920 — 21 года. Я был приглашен к улану с проезжавшей мимо нашего завода группой партийных работников. Среди них выделялся своим остроумием, живыми глазами и обаятельным обхождением молодой грузин; это и был тов. Серго. Его рассказы и умные и смешные стороны в окружающей обстановке были исключительными. Этот вечер, как он и был мимолетен, все же остался в памяти неслучайным воспоминанием. И когда, почти через двадцать лет, я снова увидел тов. Серго, он сразу обратился ко мне со словами: «Вот вы какой, а я думал вы старший». Я ему напомнил о том, что я его вижу второй раз. Григорий Константинович промолчал, да он и не мог меня вспомнить, так как встречался через двадцать лет тот же. Несколько месяцев и более полных, но глаза оставались теми же, и такой же мягкой, с внутренней теплотой голос. Эта встреча произошла в тот момент, когда первыми перерыв пятнадцати — Магилтка и Кузнецк — только что пережили тяжелую зиму. Разговор шел главным образом об условиях работы и о перспективах зимних работ нового промышленного района. Его нельзя было убедить только словами. Нужно было доказать рядом соотстоящих и фактов, тогда он начинал верить. В какой-то момент в Москву тов. Серго обязательно вызвал меня, как только узнавал о приезде. И всегда, по пути с расписания о работе завода, о строительстве, расспрашивал и задавал вопросы относительно личных желаний и как-то своеобразно проникал личными интересами.

В этом отношении даже трудно было представить, как он мог знать и как мог находить время, при его занятости, чтобы интересоваться делами иного порядка. Помню, когда приехал Серго на завод в августе 1933 года. На заводе было много недостроенного, много неполадок, за что падало ругать. Он же умел всегда подсчитать за и против совершаемого. Серго не любил парадных показов. Осматривая подготовленные к его приезду части завода, он обязательно знакомился с такими местами, которые были далеки от готовности. Попутно с осмотром заводских сооружений тов. Серго всегда интересовался жизнью рабочих и их бытовыми условиями. Школы и детские сады обязательно были в центре его внимания. Личный контакт с рабочими на месте работы был постоянным. Для всех тех, с кем он вступал в разговор при таких посещениях, беседа была большим праздником. Его внимание к нуждам рабочих было изумительное и постоянное. Многие после разговора с Серго, где на его вопросы о их жизни-бытии они высказывали кое-какие пожелания, радовались, узнавая через некоторое время, что их слова не прошли мимо Серго. Облагие Серго среди рабочих и инженеров было исключительным. Оно создавалось не только благодаря его личным качествам, как кристалло чистого большевика-сталинца, участливого, сердечного человека, но и как талантливейшего подполковника, проведшего победоносную нашу индустрию от довоенного уровня до третьей пятилетки. Такой колоссальный взлет промышленности, такие гигантские строительные работы, проведенные за невиданно короткий срок, могли быть выполнены под руководством только человека-вожжа исключительных дарований и любимого масса. Серго был нашей совестью. Мы всегда думали, что скажет Серго? И что говорил Серго, то было правдой. Даже люди, которые носили наказание от Серго, и те не могли сказать, что он неправ. Серго был всегда справедливым. Поэтому больно и тяжело было слышать об утрате. Какое, он не мог умереть. Весть о смерти его не убеждала о кончине. Все знали, что он болел. Но не верилось, что такой жизнерадостный, полный жизни человек отойдет навсегда от тех, кто его любил. Такие люди, переставая жить, остаются вечно в памяти всех не только знакомых их, но и выпавших их творения. Память о нем будет жить вечно.

Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве

Выставка в Музее им. А. С. Пушкина

В просторных и светлых залах Музея изобразительных искусств им. Пушкина несколько дней назад открылась выставка «Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве». Замечательная, волнующая выставка! Ее экспонаты представлены в Москву со всех концов великой Советской страны. Авторы лучших монументальных полотен и карандашных зарисовок, огромных скульптурных групп, рельефов и панно — люди, работающие на водах, в сельском хозяйстве, учащиеся в колхозах и институтах, — инженеры, рабочие, служащие, колхозники, студенты. Проходя по залам выставки, рассматривая ее многочисленные и яркие экспонаты, видишь, какой огромной любовью к Ленину, Сталину, партии большевиков, к великим соратникам все эти полотна и скульптуры, в которые их авторы вкладывали весь свой талант, все свое умение. Это искусство огромного, неиссякаемого разнообразия народных талантов, чувствуешь дыхание настоящего искусства.

Эта выставка — подлинный праздник всего советского искусства. Ее отличительной особенностью является высокое художественное качество произведений станковой живописи, графики и скульптуры. Сейчас трудно сказать, что именно поправилось на выставке больше всего. Трудно отделить предпочтение одному или нескольким художникам. Эта выставка — наглядный урок многим нашим профессиональным художникам, которые подчас не видят больших и волнующих тем нашей современности и предпочитают выписывать безразличные пейзажи и натюрморты. Но колоссально тематическому разнообразию, по глубине захвата темы, по умению видеть жизнь, по высокой принципиальности искусства многие самодеятельные художники ушли далеко вперед от профессионалов. Захватывающие большой волнующей и ответственной темой, самодеятельные художники повысили свое мастерство в такой степени, что, рассматривая многие полотна, не скажешь, что их автор по профессии слесарь, инженер или бухгалтер. Это — произведения подлинного искусства, не требующие никаких «скинлов».

М. ЗОЩЕНКО ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Тяжко о материю прощались / У бескрылой хаты, / Еще горше в мире видеть / Слезы, да заплести. / Т. Шевченко.

1. НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Современники называли Шевченко — «мужичьим поэтом». И это было именно так. Шевченко был доподлинно мужичий поэт. Любители язвительной словесности, называя так поэта, конечно, не собирались делать ему комплименты. Напротив, в это слово «мужичий» вкладывалась насмешка и брань. Многие критики того времени считали, что поэзия должна воспитывать в народе изящные и нежные чувства, должна прививать эстетические взгляды на жизнь, поднимать народ до себя, очинять и облагораживать простонародную речь. А у Шевченко встречались такие ужасные и не салонные слова: пузо, брюхо и так далее. Это шокировало критику в высшей степени. Кроме того, поэзия Шевченко казалась слишком уж яростно-инстинктивной — поэт привалывал акрономических крестьян к поэзии, к борьбе против помещиков, против царя и церкви. Это тоже смущало критику. Казалось, что поэзия бралась не за свое дело. И в силу этого большинство критиков того времени не признало Шевченко истинным поэтом. Даже Великий — его брат по духу — едло и зло помыслил над ним.

Публикуемыми двумя вступительными главами редакции начинается печатание отрывков из биографической повести М. Зощенко «Тарас Шевченко». Полностью повесть публикуется в первом номере альманаха «Дружба народов», а вторая глава и в журнале «Молодой колхозник».

Но это была ошибка до некоторой степени понятная. Слишком уж нова и непривычна была такого рода мужичья поэзия. Шевченко не был сразу оценен критикой, но зато он был тотчас оценен народом.

Первая его книга «Кобзарь» произвела на читателей неслабное впечатление. Его книга, походящая на родную, была подобна разорвавшейся бомбе,— так это было сильно, оглушительно, необычайно и действенно. Мужичий поэт сразу пришелся по вкусу народу, потому что он и был подлинным поэтом народа, подлинный его представитель. Он не искажал народные думы и чувства своими субъективными добавлениями. Вернее, его чувства совпадали с чувствами народа. Тут не было фальсификации ни на один грамм, как это невольно могло быть у поэта, вышедшего из другой среды. Критик Добролюбов, один из немногих критиков, своим блестящим умом понял Шевченко. Он писал о нем: «Тарас Шевченко — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя». Добролюбов был прав. До Шевченко не было у нас поэта более народного, более понятного массам. Шевченко стал выразителем духовной жизни народа. Но его поэзия не была только украинской поэзией. И не потому, что темы Шевченко не ограничивались пределами Украины, а потому, что его тема была близкой, необходимой темой для многих народов. Безжалостная аспектация человека, бесправие, насилье и гнет не являлись печальным достоянием одного украинского народа. Шевченко не был только выразителем народных дум и надежд. Он как сосредоточил в себе духовные качества украинского народа — его мощь, силу, светлый ум, его доброе сердце, мужество, энергию, волю и настойчивость. Всей своей жизнью, всей своей поэзией Шевченко показал, как может быть силен и мужествен человек, как он может быть непокорен, как велика его честность, как страшен его гнев и как неслыханна его воля к свободе и независимости. Всей своей жизнью и работой он показал, какие чудовищные преграды может преодолеть человек для достижения своей цели. Жизнь Шевченко — это повесть о том, что такое искусство, как оно велико, какие препятствия оно может преодолеть и какой страх оно может вливать врагам. Казалось бы, что все было брошено на

Писатели, награжденные орденами Союза ССР. Слева направо: Усенбаев Алымкул, Акиев Капын, Жарков Тамир, Нерембеков Саидиль, Кашкин И. А. и Осмонов Алыпкул.

ШАЛВА ДАДИАНИ

Стод накрыли и устлывали едой. Но никто к нему пока не подошел. Голджога залег сечи. Все знали, что здесь, у ошата, глава семьи должен вознести молитву в честь родства; но сегодня Голджога собрался, кроме того, помолиться и «невеселому».

ШАЦХА

Голджога медленно вышел во двор. В темноте он разглядел несколько козлых и пестрых фигур. Всадники были закутаны в бурки, густо покрытые снегом, пестре же без сапог и без верхнего платья; на них были лишь длинные сорочки из грубой домашней ткани; головы, вместо шапок, похвывая обрывками мешка.

Отрывок из романа «Урдуми»

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Это не помешает, — пробормотал он про себя, и только взрослый сын его Махарика понял тайный смысл этих слов: ведь кроме него и отца никто в семье не знал, какая судьба постигла его, бежавшего от помещика, старшего сына Мурза... У матери невольно вырвался вздох: — Нана, нана! Любимый сын не выходил у нее из головы: ведь он впервые отсутствовал в праздник из дому. Стоя на коленях, поттиительно и в полном молчании все слушала главу семьи. Только у двух малышей, разбуженных их трагедией, горели от любопытства глаза: они не понимали ни слова, и щеки их чуть не лопались от еле сдерживаемого смеха. Окончив молитву, Голджога встал. За ним поднялись и остальные. Загасили свечи. Отец приласкал детей и роздал им по лешенку, затем пошел в студию, где была приготовлена отворная свиная голова, и отрезав от нее уши, всунул их в ручки малышам.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия. — Нет, его я вам не отдам, злодей проклятый! — Ого, вы посмотрите на эту старую наскел! Связать ее: она пригодится княгине, будет гусей пасти... Женщина, и связанная, продолжала кричать и проклинать. К ней бросались малыши и хватились за полот ее платья. Старшая дочь Эду, подскочив к лешему челядинцу, изо всех сил ударила его по лицу. У того помутилось в глазах, он пошатнулся. Раздался хохот всадников. Эду кричала, обращаясь к одетым в лохмотья крестьянам: — Эх вы, несчастные! Кто вы такие? Разве вы не те же мужики, что и мы? Не на одном с нами огне вас жарят? Неужто вы настолько забыли совесть, что подымаете руку на своих братьев? Видно, князя и тело и душу ваши поработили, грехи несчастные! — Недурна крупатка! — шепнула наухо мураву один из всадников, указывая глазами на девушку. — Да, крупатка лаковая! — ответил Чвама: я думаю, князь не рассердится, если я прониоусю ему на сладкое... Эду не расслышала слов муравы, но чудем угадала, что ей угрожает что-то ужасное. Она замертво, дышанье у нее перехватило. Чвамая сделал знак, и слуги набросились на девушку. Это заставило очнуться окаменевшего отца, Голджога; рванувшись, он бросился в жилищу и во мгновение ока оказался с топором в руках около муравы и замахнулся.

Голджога подняв взрослым членом семьи по куску освещенной молитвой хлеба, затем взял выдолбленную тростниковую миску, наполнив ее вином из «мазерки» и, благословив семью, обратился с молитвой к «невеселому»:

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Ты, которого мы не знаем и не ведем. Благословенный и прославленный! Удостой услышать молитву мою: подай здоровья и всякого благополучия и соделай счастливую семью мою...

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Ушел он провозвести последние слова, как в дверь раздался громовой удар, и стены паху¹ угрожающе заскрипели. В ту же минуту снаружи донесся громкий окрик:

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Эй, Мурза, выходи! От меня не скроешься, мужикья морда! Голджога неторопливо поставил на стол нетронутый сосуд с вином, отодвинул завет и открыл дверь. Голова лошади при этом с силой толкнула его в грудь. Всадник хотел вскочить внутрь жилища, и только размеры двери не позволяли ему это сделать.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Голджога отступил, как бы желая рассмотреть всадника. Но через низкую дверь гость не было видно.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Кто вы позволите быть, господин мой? — величье обратился к нему хозяин: — и зачем вы ломаете паху? Мурза здесь нет...

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Выходи, собачий сын, вылезай наружу: здесь ты узнаешь, кто я такой! Всадник осадил лошадь, и выход из паху сделался свободным.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Как вспоминали, застыли на своих местах члены семьи Паучуля, недоумевая: что случилось над ним, что этот свирепый гость и зачем понадобился ему Мурза.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

У одного малыша лажомство застряло в рту, и держа его рукой, он не знал — есть его или вынуть обратно...

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Роман «Урдуми» («Полчище») посвящен восстанию мингрельских крестьян в 1857 году.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

2. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Бедная украинская хата с потерней соломенной крышей — вот дом, в котором провел детские годы Тарас Шевченко. Отец Тараса Григорий Иванович Шевченко был крепостной крестьянином. Он жил в крайней бедности. У него была многочисленная семья — шесть душ детей.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Его семья целые дни работала в поле на барщине. Он также работал в поле, но кроме того возил в город барский хлеб на продажу и доставлял его в дом своего хозяина. Помимо этого он должен был заботиться о своем поле и о своем хозяйстве, которое было и нищенно не было чем-то исключительным. Это была обычная жизнь крепостного крестьянина, который с утра до ночи, не покладая рук, работал и за это едва был сыт и едва одет.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Немыслимо было подумать о более сносной жизни, потому что крепостной крестьянин был жестоко закабален. Три дня в неделю крестьянин работал на барщине. Но кроме личного труда он отплавывал барину «княтину», то есть лажу часть всего того, что он получал от своего личного хозяйства. И, помимо того, он платил денежную подать за эту землю, которую он обрабатывал для себя.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

И в силу этого крестьянин не выходил из долгов. Он всегда был должен своему помещику. И в счет долга он работал на барщине уже не три дня, а иной раз четыре и пять дней с утра и до ночи. При таких условиях крестьянин, конечно, не мог выйти из нищеты. И, работая на барщине, он нередко голодал.

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

Как сказал Шевченко: А вот там под тыном / С голоду ребенок пухнет — умрет, / А на барском поле мать шенцину / жнет...

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

И это не было художественным преувеличением. Рядом с нищетой и голодом ужинались роскошь барских хорм. Там, в панских палатах, происходили балы, за

— Да? По такого знатного гостя не подобает принимать на дворе: прому рас пожаловать в паху... Ниные родство, и гость — от бога... Там, за трапезой, вы прикажете мне, что вам угодно... — Плевая я на тебя и на твою трапезу! Ты лучше скажи мне, где твой сын, разбойник Мурза? Голджога вскинул от обиды, но постарался сдержаться: — Простите, господин, у меня нет сына-разбойника! — Меня не обманешь, мерзавец! Если сейчас же не выйдешь мне Мурза, то и тебя и все твоё гнусное семейство я заберу к князю Дгебиа.

— Чего вы стоите, вляйте его! — крикнул он пестрым челядинцам. Те бросились к Махарика. Он схватился за князя, но четверо здоровенных парней повалили его наземь. Увидев это, с проклятиями, разъяренной тиринией бросился во двор Туктия.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ЮРИЯ ТЫНЯНОВА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Творческий вечер Ю. Н. Тынянова в Доме

Salam, coldostor!

ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ

Еще совсем недавно московская литературная общественность принимала в клубе писателей своих белорусских гостей. Еще не отзвучали певучие строчки мастеров белорусской поэзии во главе с ее живыми классиками — Янкой Купалой и Якубом Коласом. Еще слышатся нам пленительные песни белорусского народа: полная шемейка тоски старая «Перелючка» и веселая, насыщенная счастьем наших дней колхозная «Живите богато».

И вот, близкий клубный день молодых писателей — 17 февраля посвящается поэзии советского Киргизстана. Киргизская литература Киргизского искусства! Давно ли вошли в наше сознание эти понятия? И полотно ли были в наши дни эта поэзия?

Народ-сколотовед, народ-кошкун, народ-воин, чья история в течение многих веков проходила под знаком постоянных войн со своими более сильными соседями — китацами, монголами, уггурами, в борьбе за пастбища, за этот единственный источник существования; народ, подпавший в конце XVIII столетия под гнет Кокандского ханства, а в середине XIX столетия порабощенный русским царизмом, — с чем встретил киргизский народ счастливую звезду Великой Октябрьской социалистической революции? Он встретил ее почти поголовно неграмотностью. Письменной светской литературы у него не было, не было даже ни одной киргизской газеты. Самый язык киргизского народа считался языком «низким». Он третируется не только парскими колонизаторами, его презирали и шовинистическая интеллигенция родственных соседних народов, а также мусульманская. Его считали «испорченным» казахским языком. В этом киргизский язык разделял судьбу языков других угнетенных народов царской России. Разве украинский и белорусский языки не считались «испорченными русским» языком?

Киргизы исключительно музыкальны, поэтически народ, Киргиз всегда поэт. Он поэт обо всем, что влечет его глаза. Отсюда поразительная способность импровизации у народных актеров и эпических певцов, отсюда же та завидная легкость, с которой киргизские поэты пишут стихи. И отсюда же — поистине циклопические размеры гениальной киргизской народной эпопеи «Манас».

Лишенный своей письменной литературы, и своей писанной истории, неграмотный киргизский народ в течение последних ста лет коллективно создавал и доносил в памяти до наших дней величайший мировой памятник устной литературы — свой эпос «Манас». Это титаническое произведение, возникшее в глубокие веки из какой-то зачаточной песни, киргизский народ сохранил как свою душу, и полулегендарную историю, как свою поэтическую близкую, как утверждение своего национального бытия в период после потери государственности, как память о ней и как залог своего будущего политического раскрепощения и культурного расцвета.

Чанья киргизского народа его не обманули: он был раскрепощен и вместе с тем вышел на общую культурную арену, и его «Раскованный Прометей» — его великий эпос, которому, в условиях колониального рабства грозила печальная участь так и остаться незаписанным, а значит, в конце концов погибнуть для самого киргизского народа, для всей нашей братской советской литературы, для культуры всего человечества.

Однако поэтическая стихия киргизского народа накапливалась веками не только в его гигантском эпосе, но и в его богатом устном лирическом творчестве. Имена многих народных поэтов-лириков, чьи песни поются в стране до сих пор, давно забыты. Но имена двух замечательных мастеров народной песни Катамураы и Токтогула, живы в народе и сейчас наряду с именами крупнейших «манасчи» — творцов и исполнителей «Манаса».

...Когда-то гремел по горам, как гроза, Любимец Киргизии — Катамура...
 Но был он несчастен, но был он гоним,
 И горе за песни расправилось с ним...
 ...Когда-то в Тянь-Шане, среди гор и степей,
 Пел песни свои Токтогул-солдате...
 Но бросили багатыра в тюрьму,

Привет, товарищи!

Народный акын Алымкул УСЕНБАЕВ
 Депутат Верховного Совета КирССР, орденносец

Человек верхом на тигре

Вблизи дороги, в камышах,
 Жил старый тигр, звериный шах,
 Был он свиреп, был он усат,
 Зеленоглаз и полосат.

Его громкополюный рев
 Валил испуганных коров,
 И острый коготь набегу
 Живот распарывал быку.

А мелких птиц трусливый сброд
 К нему летал без крика в рот, —
 Всех крохотливей и лютей
 Был этот яростный злодей.

Однажды выбрали ночлег
 Здесь пять усталых человек,
 Пустив быков за кормом в падь,
 Они легли спокойно спать.

А тигр не спал. Во тьме, тайком,
 Пополз он тихо за быком,
 Прокрался тенью по лужку
 И приготовился к прыжку.

Уже припал он мордой вниз,
 Уме глаза его заглялись,
 Но в это время с ближних гор
 Ступилась к речке старый вор.

Свет глаз тигриных этот вор
 В тумане припал за костер,
 Повеселел, и на огни
 Пополз он медленно в тени.

Решил проехать кувиром,
 Он крапса прямо тигру в пасть,
 Был недвижим тигриный взор,
 И подползал все ближе вор.

Он тихо полз, припав к земле,
 И тигру увидал во мле,
 «Прекрасный конь!» — подумал вор:
 Таких не знал я до сих пор!

Я с ним ограблю всех в горах,
 Приди на помощь мне, аллах!
 И в темноте легко прыжком
 Выскочил на тигра он верхом.

Вступил в страхе зверь во тьму,
 Но впился вор в бока ему,
 И думал в ужасе злодей:
 «Кто едет на спине моей?»

Наверно, это дьявол сам
 На тигре скачет по лесам!
 Лишь он так мог влиться в бока!
 За что меня обидел бог!

Чтоб сбросить всадника к земле,
 Он со скалы летел к скале...
 Кончалась ночь, а зверь без сил
 Всё вора на себе возил.

Сидел спокойно вор на нем,
 Гордая горячим скакуном,
 Он думал: «Вот прекрасный конь!
 Какой разбег! Какой огонь!»

Но в это время первый луч
 Упал на землю из-за туч,
 И вор увидел: конь усат,
 Зеленоглаз и полосат!

Чуть вор от страха не упал:
 «Пропал несчастный я, пропал!
 Видать, на этом скакуне
 Придет к смерти ехать мне.

Мне все равно: лететь вперед —
 Меня он сбросит и сотрет,
 А если самому упасть,
 Так значит — сразу тигру в пасть?»

Сказка «Человек верхом на тигре»
 сложена народным акыном Алымкулом
 Усенбаевым по мотивам киргизского
 фольклора. Сказка печатается в сокра-
 щенном виде в обработке В. Винникова.

Темиркул УМЕТАЛИЕВ

МАВЗОЛЕИ

Перед Кремлем торжественный
 гранит,
 Как память благородных поколений,
 Для всех живущих ревностно хранит
 Тебя, родной, тебя, бессмертный
 Ленин.

Сюда глядят со всех концов земли
 Глаза казахов, русских и киргизов,
 И да же там, кто от тебя вдали,
 Ты, словно сердце собственное, близок.

А зверь все мчал и мчал в горах,
 И погоняя злодея страх,
 Бедняга взмылился, распух,
 Но снова гнал его испуг.

В кустах колючих бежал он,
 В лесах дремучих бедал он,
 До миска коку издрова,
 Метался он среди дубрав.

В лесу колочками ветвей
 Был вор исптерзан до костей,
 Ведица, словно на огне,
 Сидел на страшном скакуне.

Вдур перед ними на пути —
 Сосна большая впереди.
 Решили зверь и человек,
 Что здесь они закончат бег.

Зверь — бок о дерево потер,
 За ветку ухватился вор,
 Кверхушка в страхе он полез.
 А зверь метнулся дальше в лес.

Еще дрожащий, он скакал,
 Среди лугов и диких скал,
 Вдур обезьяна на беду
 Его заметила в поту:

«О, шах зверей, ты в мыле весь,
 Как будто думал браться здесь!»
 «Нет, дьявол напугал меня,
 Заставил бежать, как коня!

Хоть я крутился кувирком,
 Он все сидел на мне верхом,
 Его носил я до зары,
 Коль не боишься, посмотри!»

Она взглянула храбро высь
 И закричала тигру: «Брысь!
 Какой ты тигр и шах зверей,
 Когда ты кошки не храбей!»

Тебя гонял последний вор,
 Какой позор! Какой позор!
 Смотри, над трусостью твоей
 Смеется серый воробей.

Четыре зайца, два скворца
 Хохочут трюмо, без коня.
 И все обидливым галчат
 «Позор! Позор!» тебе кричат.

Чтоб не смеялся воробей,
 Скорей обидчика убей,
 Иначе все бухают тут
 Тебя, трусиха, засмеют!»

Хоть вспомнил тигр со страхом noch,
 Но отказать теперь не вмог,
 Волнуясь в мертвой тишине,
 Дрожа он подполз к сосне.

Тогда, чтоб тигру пособить,
 Чтоб с дерева добычу сбить,
 Мартышка прыгнула и выиг
 Подлезла к вору напрямки.

Пона, хитра и зла,
 К нему, ехидная, ползла,
 Он сделал петлю из ветвей
 И на башку набросил ей.

А шах зверей, конча не ждал,
 Он храбро по лесу бежал,
 И гордо хвастался потом,
 Что ездил чорт на нем верхом.

И вор в смирении пирувал,
 Хвалясь: «Я тигра своровал».
 В одном семействе обаян
 Остался навсегда изьян:

Мартышка нет, и много дней
 Ее друзья грустят о ней,
 Но помнят крепко с этих пор:
 Беда, коль вора встретит вор!

К тебе принесат тысяч людей
 Свою судьбу, как дум твоих тво-
 ренье,
 Они горят огнем твоих идей,
 Чтоб сохранить навеки их горенье.

Как солнце над бессмертной землей,
 Как жизнь сама, навеки ты нетленен,
 Веч счастье жизни рождено тобой,
 И лучше в счастливой жизни — Ленин.

Молодая поэзия советской Киргизии

В. ВИННИКОВ

В июне прошлого года, когда счастливый народ советской Киргизии готовился к выборам в Верховный Совет своей республики, на одном из предвыборных собраний выступил сдоборный киргиз и сказал:

«В прошлом веке около Иссык-Куля жил жестокий хан Ормон. Не было во всей Киргизии человека, который не слышал бы рассказов о зверствах этого хана. Не меньшей известностью, чем хан, пользовался его оружейник. По всем вышкам и аймам ходила слава об исключительном искусстве этого мастера.

Однажды сын хана Ормона приказал оружейнику сделать острую боевую саблю. Когда сабля была готова, оружейник принес ее в ханскую юрту. Посмотрел ханский сын на саблю, поправилась она ему и сказал он тогда:

— Как же узнать, — острая она или нет?

Засмеялся хан Ормон и ответил:

— Проверь ее на оружейнике.

Взмахнул сын хана саблей и одним ударом срубил голову оружейника.

— Молодец оружейник! Хорошая сабля!» — сказал Ормон и приказал выбросить в ущелье тело убитого мастера.

Этот правдивый рассказ удивительно ярко открывает мрачное прошлое Киргизии.

Партия Ленина — Сталина и могучая братская помощь великого русского народа освободили Киргизию от рабства. После Великой Октябрьской социалистической революции впервые за многие века своей многовековой истории киргизский народ зашел свободно, «во весь голос».

До неузнаваемости изменилась за годы советской власти жизнь и просторы Киргизии. Появился киргизская письменность, киргизский театр, густой сеть школ, библиотек, клубов покрывается страна.

Киргизская литература — романы, повести, драмы, рассказы, баллады, фелетреты и критики выросли за эти годы.

В молодой киргизской поэзии до сих пор почтительное и вдумчивое отношение к лучшим акынам. Один из самых популярных акынов Киргизии — депутат Верховного Совета Киргизской ССР, орденносец Алымкул Усенбаев. Слагая проникновенные песни о Сталине и счастливой жизни нашей родины, он в то же время ведет большую работу по собиранию и восстановлению старинного эпоса. Им записаны замечательные эпические сказания — «Охотник Холжоджаш» и «Саринджи». В настоящее время он работает над записью большого сказания «Облыбай и Римжидей». Отдельными изданиями вышли книги «Песни Алымкула» и сказка «Человек верхом на тигре», написанная по мотивам киргизского фольклора. Выступления Алымкула неизменно превращаются в полностью народный праздник.

Народный акын орденносец Калык Акиев, являясь одним из ближайших учеников Токтогула Сатылганова, сохранил в своем творчестве мужественный и гордый голос своего учителя. Его песни о Сталине, о Красной Армии, о жизни колхозного айдз широко известны по всей Киргизии. Так же, как Алымкул, Калык Акиев много внимания уделяет собиранию фольклора и в первую очередь восстановлению незаписанных произведений Токтогула. В настоящее время находится в печати восстановленное им сказание «Джанси и Баш», обьемом в двенадцать тысяч строк.

Среди поэтов Киргизии большой известностью пользуются орденносец Юсуп Турусбеков. Начав свою литературную деятельность с лирических стихов, он перешел затем к работе над эпическими поэмами и пьесами для театра. Им написаны крупные произведения киргизской драматургии — музыкальная драма «Алджар ордуна» (о востании 1916 года) и совместно с

Д. Боконбаевым и К. Маткуевым «Ай-Чурек». Кроме того Ю. Турусбеков известен как переводчик Пушкина и Горького. В настоящее время он работает над большой историко-революционной поэмой «Киргизы». Близость к народной поэзии позволяет ему скрупулезными средствами просто и выразительно создавать яркие и убедительные образы. Стихи Турусбекова очень напевны, чем и объясняется большой успех его песен.

Джамарт Боконбаев — автор нескольких сборников лирических стихотворений и поэм, музыкальной драмы «Алтын кыз», переводчик стихов Лермонтова и оперного либретто «Евгений Онегин» на киргизский язык. Основной темой Д. Боконбаева является современная Киргизия.

Кубанычбек Малков — автор лучших во многих театрах республики пьес «Кулша», «Виле» и ряда популярных киргизских песен, повести «Азаматтар» — о киргизском востании 1916 года. Наряду с оригинальным творчеством значительное внимание К. Малков уделяет переводам; он перевел текст «Интернационала», стихи Т. Шевченко, В. Маяковского, многие советские песни и стихи К. Чуковского.

Переводы за последние годы занимают все более и более почетное место в работе киргизских поэтов. Так, поэт-орденносец Алымкул Осмонов, автор сборников, главным образом лирических стихотворений, недавно закончил полный перевод бессмертной поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Большая поэтическая культура молодого талантливого поэта позволила ему с успехом справиться с этой сложнейшей работой.

Всегда откровенно отметить, что молодая киргизская поэзия охватывает новое поле, осваивает новые жанры. Так, поэт Темиркул Уметалиев сейчас много внимания уделяет работе над стихами и песнями для детей.

Молодой поэт, депутат Верховного Совета Киргизской ССР Талан Шамшиев, последнее время пишет также и для детей. Недавно он закончил детскую пьесу «Молодые дозорные».

Интересные новые работы поэта Молдогулы Токбаева — большая историческая поэма «Умуркул и Гульнар» и Тугельбая Сыдыкбекова — оборонная поэма «Ночной выстрел».

Особое место в киргизской поэзии занимает работа над коллективными поэмами. Являясь своеобразным продолжением традиционных составов певцов, эта работа в наших условиях превращается в особый вид творческого социалистического соревнования.

За последние годы коллективами от пяти до двадцати человек были написаны четыре поэмы «Мечты Алатау», «Песня о соколе», «Сказание о старике» и «Бессмертие». В этой работе творчески вырастали коллектив ее участников и заметно усложнялись задания, которые ставили перед собой поэты и акыны. Так, если первая поэма «Мечты Алатау» написана как большая поэма, пронизанная только эпической темой, то последняя поэма написана в форме героической повести в стихах на сложном сюжете.

Быстро увеличивается число молодых поэтов Киргизии. С первыми сборниками стихов выступили талантливые поэты Абдырау Токтамушев, Мидин Алыбаев и с коллективным сборником — группа учащихся.

Молодую поэзию Киргизии, несмотря на разность стилей отдельных поэтов, объединяет одна общая черта, присущая всей советской поэзии: неподдельное чувство патриотизма, гордость за нашу замечательную родину, любовь и преданность великой коммунистической партии и вождю народов великому Сталину.

ЛУИ АРАГОН

Страшный роман

Когда Александр Дюма был секретарем герцога Орлеанского, кто-то в его присутствии заявил, — рассказывает он в своих «Воспоминаниях», — что будущее принадлежит историческому роману. И Дюма, отчаянно скучавший на уроках истории в школе, рассмеялся и спросил, кто же станет читать исторические романы?

В молодости я разделял общее мнение моего поколения об упадке романа, а оклеив его. Мы с превращением относимся к этой литературной форме. А теперь мне, как и многим моим современникам, на практике способствовало опровержение этого мнения. Недавно наше тогдашнее предвзвение. И мне кажется, что пример Дюма может служить подтверждением того, как неуверенные бывают суждения писателей, даже когда дело идет об их собственной работе.

Несомненно, что роман, подвергнувшийся со временем своего зарождения многим изменениям, оказался замечательным человеческим изобретением, способным, как и сам человек, к поразительному и непрекращающему совершенствованию.

Тот, кто понял, что роман является средством научения общества и человека в определенных исторических условиях, понимает и то, что нет никаких оснований считать роман права на существование, ибо материал его, подвижной, изменяющийся по самому существу своему, не перестает принимать новые формы. Роман мог бы стать мертвым жанром только, если бы приостановилась сама жизнь. И если разговоры о смерти романа — пустая болтовня.

Я уже писал, что считаю наше время эпохой расцвета романа. Панорама современной французской литературы, от Морияка до Мальро, от Колетт до Жюль Романа, от Монтерлана до Кассу, до Романа Роллана, подтверждает мой слова вестком доводом — сотней романов, которые стоят романов эпохи Флобера и даже превосходят их.

Теперь я говорю о «Заговоре» Низана.

Полностью статья Л. Арагона напечатана во французском журнале «Фроп».

Эта волнующая книга, самые недостатки которой интересны, ставит также многие вопросы, касающиеся и романа и самой жизни, что, говоря о ней, приходится идти окольными путями, которые не нужны были бы при обсуждении другого романа.

Некоторые критики сравнивают «Заговор» Поля Низана с древними его произведениями и, в особенности, с первым его романом «Антуан Блуае». В чрезвычайно хвалебной статье о «Заговоре», помещенной в газете «Тан», Андрэ Терив пишет:

«Мы приветствуем огромный успех Поля Низана в «Заговоре» по сравнению с «Антуаном Блуае», первым его романом, опубликованным пять лет назад. Это, как помнится, была история социального возмущения, трагического автором как падение; история сына бретонского крестьянина, который стал инженером и тем самым изменил своему классу. Повествование было неровное, перегруженное подробностями и сырым документальным материалом. Мысль была столь же доктринерской, сколь и благородной, выполнен он был довольно тяжело и неумело...»

Я далекий от того, чтобы отрицать «огромный успех» «Заговора» как романа, по сравнению не только с «Антуаном Блуае», но даже с «Троянским коном», предшествовавшим «Заговору». Но Андрэ Терив заставляет меня вернуться к «Антуану Блуае», так как он допустил некоторые неточности, заслуживающие рассмотрения. Прежде всего, о содержании книги. Полю Низан действительно писал, и я должен сказать, мастерски описал, как крестьянский сын стал инженером, изменяет среде, из которой он вышел, отрывается от своего класса и страдает от сознания своего морального падения.

Отнюдь не «социальное возмущение» изображал тогда Низан как падение. То, что крестьянский сын стал инженером, он никогда не считал ни падением, ни изменением. Крестьянский сын может стать инженером, не отрывается от отца и матери. По, что я говорю, до нынешнего просто. В «Антуане Блуае» Низан осуждал именно класс, а не то, что герой книги приобретает знания инженера. Почему же Терив полагает это иначе? Это тоже очень просто: потому, что Терив не мог понять этого по-другому, и думал, что нашел у Низана «предубеждение, вынужденное политическим сектанством», не заметив своего собственного «предубеждения». Читая «Антуан Блуае», он воспринимал его сквозь призму своих представлений о коммунизме и о коммунисте Низана.

Никогда коммунист, т. е. человек, в основе мировоззрения которого лежит прогресс, не мог бы считать отрицательным факт перехода от крестьянства к интеллигенции. И Низан не мог пойти по пути, подождав скорее для какого-нибудь буй. Именно для тех «взвешивателей машин», которые с философско-реакционными целями проповедуют теперь возврат к природе. Эта проповедь велет все начало от Рурсо, но в современном изложении и толковании она в корне противоположна коммунистическим взглядам. Однако сильно и рядом коммунистам приписываются те самые идеи, против которых они выступают. Так, например, целый ряд анархических воззрений на семью, на родину, на «свободу нравов», на нивелировку индивидуальностей во имя равенства воспринимаются как «коммунистические», вопреки истинному положению дела.

Таким образом, создается своего рода «коммунистическая мифология», ничего общего не имеющая с коммунизмом и питающаяся далеко не бескорыстную пропаганду органов черной реакции и прессы, специализировавшейся в антикоммунистической лжи.

Эта мифология странным образом утвердилась и в мышлении некоторых честных людей, которые, если оставить в стороне классовые предубеждения, бессознательно и безответственно, искренно думают, что они любознательны, научно и объективно изучают коммунизм. На эту же мифологию наталкиваются мы (и тут мы коснемся самого содержания «Заговора») у буржуазных настроенных молодых людей, столь типичных для определенных кругов буржуазии; эти молодые люди охотно выдают себя за коммунистов и украшают лирическим ореолом даже мифы, выдуманные злейшими врагами коммунизма.

Однако, высказывая эти соображения, я отклоняюсь от романа «Антуан Блуае», хотя и приблизился к «Заговору». Чтобы не излагать самому содержание нового романа Поля Низана, приведу изложение Андрэ Терива в газете «Тан». «Организаторами и участниками заговора, о котором идет речь в книге, считают себя студенты. Они — коммунисты, и мы сейчас увидим, почему. Это сыновья буржуазных родителей: отец Бернара Розентал — банкир, отец Филиппа Лафора — промышленник, Андра Симона — богатый нантский торговец. Семья Блуае, который как будто не играет никакой роли в романе, недавно, но уже окончателно, перешла границу», отдавая себя от буржуазии. И Плювиаж, сын на-

чальника отдела в Сенской префектуре, не может похвастаться чистой пролетарского происхождения. Не из-за этих ли коренных недостатков участников заговора так постыдно провалился самый заговор? Означенные сначала с сужеством Розентал решают записать военным и промышленным шпионажем, чтобы раскрыть секреты, имеющие самое существенное значение для буржуазии. Прежде всего они основывают журнал под названием «Гражданская война» с изображением пулемета на обложке. Они ведут шумные философские беседы; свободный и циничный разговор дед им, главным образом, возможность пошуметь и порицательничать. Они знакомятся с писателем, уже знаменитым, лет на двадцать старше их, Франсуа Ренье, который сочувствует их идеям, но присматривается к ним, как к забавным зверькам. Он отменяет в своей записной книжке: «Эта молодежь все время живет, как во сна. Она безразлично относится к последствиям и результатам своих поступков. Коэффициент реальности в ее поступках не очень высок; вот почему она не боится причинять страдания». Лафор похищает у своего отца со стола планы и схемы. Симон, обманывая воинскую полицию в Париже, получает более серьезное и более гнусное задание: снять копию с секретного документа, касающегося обороны города. Его заставляют на месте преступления офицеры, он едва не попадает под военный суд и спасается только тем, что заявляет, будто делал запись для романа. Само собой понятно, что Розентал, к которому поступали все документы, никому не передавал их и не мог никому их передать! Он не принадлежал ни к какому тайному обществу, ни к какому подпольному комитету; все это он продумывал и заставлял продумывать других присутствующих, просто как некую репетицию того, что может произойти когда-нибудь.

Кроме того, он сам начинает изменять обему делу, влюбившись в жену своего брата Клода, Катерину. Он соблазняет ее, адольтер раскрыт, вся семья собирается и судит любовников. Виновыной кончат самоубийством, не от утраты совести или от стыда, но чтобы еще более раздражить свою семью и свою касту. И товарищ его, привел в порядок его бумаги, узнают, что он изменял Лафору. Хорошо: их друг Плювиаж, который один только вступил в коммунистическую партию, оказывается шпионом. Он поступает на службу в полицию из тщательной зависти к своим товарищам, более богатым и бле-

стичным, чем он. Он указывает, где скрывается революционер, разыскиваемый полицией. В письме, от которого не отказывается бы и Сталин, он превращается в своей полности и исчезает. «Лафор возвращается в родителям, и после тяжелой болезни этот юноша становится взрослым мужчиной. Влюбив и последний из участников заговора, Жюрье, готовится сдать выпускные экзамены и кончат тем, что будут мирными преподавателями. Тут начинается новая жизнь. Кончатся времена иллюзий».

Исполнение содержания превосходное, если бы только в нем не было явного противоречия: Терив говорит вначале о Розентале, Лафоре, Симоне, Блуае, Плювиаже: «Они коммунисты», а дальше прибавляет: «Плювиаж, который один только вступил в коммунистическую партию». Конечно, герой Низана — не коммунист, и эта ошибка Терива искажает смысл книги Низана, ибо у этих молодых людей утвердилась в голове именно та мифология, о которой я говорил и которая совпадает с представлением самого Терива о коммунизме; разнится только в том, что Терив придает этой мифологии характер положительный, героический.

Это настолько важно, что побуждает Терива умолчать об одном персонаже, правда, второстепенном, но весьма показательном для книги. Дело в том, что у писателя Франсуа Ренье живет человек, о котором нам не рассказывает Терив: это один из деятелей коммунистической партии, в котором нельзя не узнать Поля Вайя-Кутюра. Вайя-Кутюра так же был тогда на нелегальном положении, так же был застигнут недалеко от Парижа, в доме писателя, где он скрывался, по доносу, который в «Заговоре» приписывается Плювиажу.

Есть еще одна или, вернее, две неточности в том месте, где Терив так излагает содержание «Заговора»: «Лафор возвращается к своим родителям, и после тяжелой болезни этот юноша становится взрослым мужчиной. Влюбив и последний из участников заговора, Жюрье, готовится сдать выпускные экзамены и кончат тем, что будут мирными преподавателями».

Я считаю необходимым исправить эти неточности. Что стало с Блуае (сыном Антуана), мы знаем уже по роману «Троянский конь», появившемуся в 1935 г., действие которого размывается пять лет спустя после событий, описанных в «Заговоре». Терив, наверное, читал этот роман. Блуае становится на мирный преподавателем, а активным членом коммунистической партии.

Легко понять, что детали, которых не заметил критик газеты «Тан», совершенно изменяют смысл книги.

Явные впады политики в искусство не должны быть тревогу. Приходило ли им в голову кричать о политике по поводу «Нуми Еуместана» Альфонсо Доза? Дело в том, что любители вообразили мечтательными полными невероятный шум, а романтики, спокойная речь, обычно подчинялись моде и оставляли мир политической мысли и жизни за пределами своих романов. Этим объясняется печальное ограничение, получаемое нами при чтении романов, которые были приемлемы в эпоху относительной социальной устойчивости, но не могут удовлетворить потребности. В наше время трудно следовать действительным лицам, сжитья с ними, если все угнетаете нас и угрожающее нам настолько чудно им, что они кажутся нам омерзительными героями. Политика, заставляющая нашу жизнь, предстает перед глазами как новая область; не как цель, а как материал.

Я знаю, что таково будущее романа, который все более и более будет требовать от романов, чтобы они были и историками, даже рассказывая какой-нибудь небольшой, пустой анекдот, кажущийся поверхностным. История теперь сильнее внедряется в сознание читателя, чтобы романтизм мог, не проинктив в тайники ее, придать чему бы то ни было то правдоподобие, без которого нельзя убедить читателя даже переписать книгу. И, свидетель этой эпохи, знавший прототипов героев Низана или их собратьев, могу утверждать, что все, могущее казаться утравированным в них, еще очень умеренно и смягчено автором по сравнению с реальной и отталкивающей действительностью.

Жизнь постоянно переплавляет предвзятые идеи, и на пороге новой, начинающейся эпохи, мы можем положиться на жизнь, на то, что она окажет воздействие, в чисте других, и на романтизм.

Роман еще поразит нас изменениями, которым он подвергается, как и мир, окружающий нас. Если как страшно нов мир, в который мы вступаем, так и роман завораживает и будет страшно новым, или его не будет совсем.

Это будет «страшный роман», страшный, как сама действительность, и современной действительности этот роман не убоится.

Лучшие киносценарии

ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА

Конкурс на лучший киносценарий, организованный Комитетом по делам кинематографии при Советском Союзе, вызвал живой отклик в стране. На рассмотрение жюри поступило около 6.000 сценариев, либретто, тематических предложений и материалов, 226 работ написаны на языках братских республик. Жюри конкурса в составе А. Фадеева (председатель), С. Васильева, П. Павленко, М. Ромма, А. Серафимовича, А. Толстого, К. Тренева, М. Чаурели, А. Шестакова, Е. Ярославского признало достойным премирования ряд сценариев.

На темы о социалистическом строительстве в городе, деревне, в союзных и автономных республиках и о сталинском движении премированы 4 сценария. Первая премия в 10.000 рублей присуждена С. Герасимову (Ленинград) — автору сценария «Учитель», вторая премия в 10.000 рублей — автору сценария «Шторы» (двух «Черное море»), две четвертых премии по 5.000 рублей — М. Кузнецову и М. Кулды (Москва) за сценарий «Ферма чудес» и В. Солнцева (Москва) — сценарий «Стария».

На темы о женщине и семье премированы три сценария. Первая премия в 10.000 рублей присуждена М. Смирновой (Москва) — автору сценария «Баба», третья премия — в 7.000 рублей — Г. Костурову (Одесса) — автору сценария «Сны», четвертая премия — в 6.000 рублей присуждена Я. Джиджиханшиян (Тбилиси) за сценарий «Любовь в воздухе».

На оборонные темы, на темы о жизни Красной Армии, Военно-Морского Флота и пограничников премировано 6 сценариев. Две вторые премии присуждены А. Фролову (Москва) за сценарий «Наш друг комиссар» и авторам сценария «Четвертый перекресток» Г. Блауштейну и Г. Венецианову (Ленинград). Две третьих премии присуждены автору сценария «На дальнем заставе» (девич «Героям пограничникам») и П. Целевню (Комсомольск-на-Амуре) — автору сценария «Пограничники». Две четвертые премии присуждены К. Гавришину (Москва) за сценарий «Маленькая война» и Н. Панову (Москва) за сценарий «Город в лесу».

Премированы 4 сценария, написанные на этнографические темы и о дружбе народов СССР. Третья премия присуждена В. Колосову (Москва) — автору либретто «Сахи». Три четвертых премии присуждены Г. Муренову и К. Байесову (Алма-Ата) за сценарий «Гаухар-Тасс», Ю. Кудрявцеву (С. Салтыковская, Двержанской ж. д.) за сценарий «Догнали» и Г. Фомину (Сталинабад) — автору сценария «Слава Тагана».

На антифашистские темы и о борьбе с агентурой международного фашизма также премированы 4 сценария. Третья премия присуждена Н. Горюбен (Москва) за сценарий «Краболювы». Три четвертых премии присуждены Н. Костяеву (Москва) — автору сценария «Китайская повесть», Д. Тарасову (Москва) — автору киноповести «Хлеб, солдаты и пехота», Ф. Гоголю (Краматорск) — за сценарий «По новому пути».

Премированы 6 сценариев на спортивные и бытовые темы. Первая премия присуждена В. Поташову (Ленинград) — автору сценария «Личное дело». Две третьих премии присуждены И. Бражнику (Ленинград) за сценарий «Друзья», В. Бух (Москва) и Ш. Мангагадзе (Тбилиси) — авторам сценария «Ник молодости». Три четвертых премии присуждены В. Фридману (Ленинград) за сценарий «Золушка», Э. Богданову и М. Коваленко (Киев) — авторам сценария «Песня жаворонка», А. Мхитарян (Тбилиси) — за сценарий «Студенты».

Жюри признало также достойным премирования 25 произведений, которые могут быть использованы в качестве материала для написания сценариев. Кроме того 24 автора жюри рекомендовало Комитету по делам кинематографии для привлечения их к работе в области кинематографии.

(ТАСС).

ПИСАТЕЛИ-ОРДЕНОНОСЦЫ В КЛУБЕ МГУ

11 февраля зал клуба МГУ был переполнен. В этот день писатели-орденоносцы встретились здесь со своими читателями.

Лев Никитин, открывая вечер, сказал: — В тот день, когда Михаил Иванович Батлинин вручал писателям, собравшимся в Кремле, высокую награду, вместе с писателями получали ордена Ленина сыны нашей родины — герои Хасана и рабочие одного из крупных наших заводов. Наши читатели, сидевшие в кремлевском зале, приветствовали нас, когда мы один за другим подошли к Михаилу Ивановичу.

В тот день, как и во все эти радостные для нас писатели, дни, мы одновременно, с чувством большого счастья, испытываем и глубокую печаль от того, что нет с нами нашего дорогого друга и учителя Алексея Максимовича Горького, нет талантливого и любимого Владимира Владимировича Маяковского, нет наших дорогих товарищей Эдуарда Владимировича Мата Залка, Ильи Ильфа, Натана Зархи, Александра Малышкина, Николая Отвега.

Студенческая молодежь горячо аплодировала выступившим писателям — М. Агтару, П. Антокольскому, А. Барто, А. Гайдару, Е. Долматовскому, А. Жарову, В. Инберу, М. Исаковскому, Л. Кассиль, Л. Квитко, С. Кирсанову, В. Луговскому, С. Михалкову, А. Новикову-Прибою, К. Симонову, А. Суркову. Особенно тепло был встречен В. В. Вересаев, прочитавший несколько отрывков из своей книги «Юные годы».

Вс. Шниповский поделился с читателями своими творческими планами.

Встреча с работниками искусства

11 февраля, поздно вечером, в клуб мастеров искусства пришли писатели-орденоносцы: А. Новиков-Прибой, В. Катаев, С. Михалков, Л. Никитин, В. Инбер, В. Луговский, А. Сурков, А. Барто, А. Жаров, К. Симонов, Л. Кассиль и А. Жаров. Вечер открыл А. Новиков-Прибой.

В. Катаев приветствовал московских работников искусства. Советская драматургия, сказал он, своими творческими успехами обязана талантливой работе режиссеров, актеров и художников московских театров.

А. Новиков-Прибой, Л. Кассиль, К. Симонов, В. Инбер, С. Кирсанов, Л. Никитин, С. Михалков, В. Луговский, А. Жаров, А. Сурков и А. Барто прочитали отрывки из своих новых произведений.

Работники искусства горячо приветствовали писателей-орденоносцев.

ЮБИЛЕЙНОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ «КОБЗАРЯ»

В ближайшие дни выходит из печати юбилейное русское издание «Кобзаря» Тараса Шевченко. «Кобзарь» в юбилейном издании Гослитиздата значительно шире того собрания произведений поэта, которое он сам объединил под этим названием. Книга включает все поэтическое наследие Тараса Шевченко на украинском и русском языках.

Украинские произведения Тараса Шевченко в преобладающей своей части даны в новых переводах советских поэтов. В книгу вошли новые переводы: «Гайдамаки» — А. Твардовского, «Марши» — В. Пастернака, «Катерины» — С. Городецкого, «Слепого» — Н. Асеева, «Порочной» — П. Антокольского, «Нефритов» — К. Липскеров, «Марины» — А. Глобы и другие. В общем, в этом коллективном труде советские поэты приняли участие свыше пятидесяти поэтов и переводчиков.

Юбилейное издание «Кобзаря» открывается предисловием А. Корнейчука. В приложениях к изданию даны пояснительные примечания В. Рессельса и краткие биографические сведения о Тарасе Шевченко Н. Бельчигова.

Редакторы книги — М. Рыльский и Н. Ушаков.

Э. Л. Самуиленок

12 февраля, в 13 ч. 35 минут, в санатории «Сосновка» после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся белорусский писатель-орденоносец Эдуард Львович Самуиленок.

13 февраля проб с телом Э. Л. Самуиленка прибыл в Минск. Гроб устанавливается в зале Дома писателя. В первом почетном карауле стоят писатели-орденоносцы, собравшие Эдуарда по перу — Янка Купала, Якуб Колас, З. Бядуля, П. Бровка, П. Глебка.

Отдать последний долг товарищу пришли народные артисты БССР Александровская, В. Владимирович, депутат Верховного Совета БССР композитор А. Богатирев, режиссеры, артисты, художники.

В 3 часа дня открывается доступ к телу покойного. Под траурные звуки оркестра мимо гроба проходят трудящиеся Минска.

Светлый образ

В расцвете творческих сил, сложенный тяжелой болезнью, умер талантливый писатель БССР орденоносец Эдуард Львович Самуиленок. Придя юной в белорусскую советскую литературу, он отдал ей всю свою жизнь. Человек большого таланта и исключительной работоспособности, он сумел в сравнительно короткое время обогатить белорусскую советскую литературу произведениями, которые горячо полюбили наш читатель.

Будучи уже больным, Э. Л. Самуиленок написал выдающийся роман «Будущее» и пьесу «Гибель волка». В романе «Будущее» он художественно ярко и правдиво отобразил борьбу братского грузинского народа против предателей-меньшевиков. Он показал роль великого Сталина в борьбе за победу социалистической революции.

Э. Л. Самуиленок писал о героизме и бесстрашии смельчак, честных людей, о радостной жизни. Своим творчеством Эдуард Львович славил величие нашей социалистической действительности, героический путь нашей коммунистической партии, борьбу советского народа против заклятых врагов, подлых изменников, наглых фашистов.

Советское правительство высоко оценило заслуги писателя. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Светлый образ жизнерадостного, страстного художника, кристально честного сына нашей родины мы сохраним в своей памяти, в своих сердцах.

Янка Купала, Якуб Колас, Захарон Бядуля, Михась Лыньков, Питрусь Бровка, Пятро Глебка, М. Климкович, К. Крапива, И. Гурский, А. Кульшов, З. Асаельер, Г. Каменицкий, И. Шаповалов, З. Огишвет, М. Последович, Р. Романович, А. Чучар, М. Модель, В. Волынский, У. Фининь, А. Якимович, А. Стахович, З. Каган, Х. Мальгинский, П. Панченко, С. Каган, А. Жарум, М. Ларченко, А. Ушаков, В. Кравчук, В. Глазун, А. Минович, Я. Маер, Г. Шведик, Ю. Дворкина, А. Есаков, В. Кондратяна.

Обсуждение романа «Смоленск»

Недавно в Московском клубе писателей обсуждался роман В. Аристов «Смоленск».

В романе описана судьба мастера Федора Коня, выходца из народа, талантливого самоучки, построившего смоленскую каменную крепость, каких еще не знала Русь того времени.

В смутное время, когда польские пань предприняли попытку поработить Россию и их войска под предводительством Жедимитрия второго подошли к Москве, Федор Коня принял участие в заговоре дворянами в тюрьму и там заучен. Но крепость, построенная им, выполняла свою историческую роль. Она задержала войска польского короля Сигизмунда, дав возможность патриотам Минину и Пожарскому собрать и снарядить большое народное ополчение.

В романе показана осада смоленской крепости. Ее защищали «черные люди», в то время как бояре пытались изменить родине и сдать крепость польским войскам.

По единодушному мнению товарищей, принимавших участие в обсуждении романа, «Смоленск» В. Аристов — интересный, талантливый произведение. Большая удача автора — образ Лисичи. Простой крестьянин, молодой, жизнерадостный, талантливы, он успешно состязался в минном деле с французскими инженерами, обслуживавшими польские войска. Те не хотели верить, что у русских нет искусных и опытных инженеров, — настолько умело и талантливо вел полковые работы Лисича. Только намором был взят город, но Россия была спасена.

Наиболее слабыми местами романа признаны сцены пребывания Коня за границей. Здесь не соблюдена историческая точность. Композиционно роман тоже неровен, нет в нем сюжетного единства, и в конце он сбивается на хроникю.

В прениях принял участие гг. А. Каравая, А. Лейтес, М. Лоскутов, А. Дроздов, К. Малахов, Г. Яценко, М. Эгарт, П. Рыленков и Л. Осип.

М. ПРАТ.

Пушкинские дни в Москве

102-я годовщина со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина была отмечена специальной научной сессией, устроенной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Московской государственной консерваторией.

Сессия открылась 10 февраля в Малом зале Консерватории. После выступительного слова И. К. Липцова о докладе на тему «Пушкин и декабристы» выступила М. В. Нечкина.

Доказав на тему «Драматургия А. С. Пушкина и русская опера» сделал профессор М. С. Пекелис. Обширная музыкальная программа, которой закончилось заседание, состояла из произведений композиторов-классиков.

Утреннее заседание 11 февраля было посвящено докладом М. А. Цявловского о пушкинианах 1938—1939 годов и С. М. Бонди — о новых текстах Пушкина.

Вечернее заседание открылось докладом И. М. Нусинова «А. С. Пушкин и мировая литература». Затем Б. В. Томашевский сделал доклад о народности Пушкина. В музыкальной части вечера были исполнены произведения советских композиторов Т. Н. Хренникова, Б. И. Мурадели, И. Шабалова, В. Р. Зинке, Мариана Ковали, Ю. С. Бирюкова, Зарры Левиню, В. А. Белого, Ю. А. Шапорина. Их произведения исполнили А. И. Озаеков, А. А. Иванова и А. И. Малюта.

Народная артистка СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Многие артисты СССР О. Л. Книппер-Чехова проела «Залпую о смерти Пушкина» В. Дали. Сцену у фонаря на «Борисе Годунове» исполнил народный артистка РСФСР О. Н. Андреевская и заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

С. М. Ромов

В ночь на 12 февраля внезапно на 66-м году жизни скончался искусствовед и критик Сергей Матвеевич Ромов.

Это был истинный художник, знаток и ценитель искусства. Искусству посвятил он свою жизнь.

Эмигрировав из царской России в 1908 году, С. М. Ромов начал свою литературную деятельность во Франции, в Париже. Он сотрудничал в ряде парижских издательств и журналов.

Сразу после Великой Октябрьской революции Сергей Матвеевич принял советское гражданство.

Сергей Матвеевич возглавлял отдел искусств в газете «Юманти».

В 1927 году С. М. Ромов переехал в английскую газету, в наши художественные издательства.

Сергей Матвеевич Ромов принадлежал к ряду статей, написанных по многим актуальным вопросам советского образовательного искусства.

Серьезно работал С. М. Ромов также над вопросами западноевропейского искусства и его истории. Смерть прервала его работу над монографией о Греко.

Много времени посвящал Сергей Матвеевич работе с молодыми художниками и молодыми писателями-новеллистами. Сколько любви, строгости, заботы и нежности вкладывал он в это дело!

Человек большой доброты, чуткий и отзывчивый товарищ, активный общественник, он преждевременно ушел от нас.

Это — значительная утрата для советского искусства.

Свою любовь к жизни, к людям и свою преданность социализму он всегда сочетал с любовью к нашему замечательному искусству.

Память о Сергее Матвеевиче Ромове будет долгой.

Н. Асеев, П. Антокольский, И. Амминов, И. Бабель, Г. Башлов, И. Бондарев, С. Бондарин, Е. Бургуниер, Е. Боняцкий, А. Варношицкий, В. Вайнда, Е. Вейсман, С. Гакт, С. Герасимов, Л. Герасимов, С. Городецкий, В. Горев, Л. Дригач, Т. Ерминова, В. Инбер, Ю. Ионов, П. Караченцов, В. Кожеников, С. Кирсанов, Б. Лапин, М. Лоскутов, З. Мадарас, Маф, Н. Мискин, А. Новиков-Прибой, П. Нилин, Ю. Олеша, С. Олендер, А. Писменский, Н. Писко, С. Расторгуев, Л. Сейфертис, С. Урине, З. Хайруллин, Г. Шенгали, М. Юпит, Д. Ясинский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОИТИНСКАЯ.

Правление союза советских писателей и редакция журнала «30 дней» извещают о внезапной смерти критика-искусствоведа, работника журнала «30 дней»

Сергея Матвеевича РОМОВА, последовавшей 12 февраля 1939 г.

1-го МАРТА 1939 года ПОСЛЕ РЕМОНТА ОТКРЫВАЕТСЯ

ДОМ ТВОРЧЕСТВА В ЯЛТЕ.

Писатели, желающие ПОЛУЧИТЬ ПУТЕВКИ в указанный Дом творчества, должны подать заявление в Литфонд.

Ввиду того, что в указанном Доме творчества имеются несколько свободных комнат, писатели при желании могут посвятить в Дом творчества с женами.

Стоимость месячной путевки для писателя 500 руб.; для жен писателей 600 руб.

Справки по тел.: К-049-19, К 1-30-63.

ДИП.

«Иван Сусанин» в Большом театре

Двадцать два года мы не видели гениальной русской оперы «Иван Сусанин». Были попытки — и многократные — в том или ином облике вынести «Ивана Сусанина» за советскую сцену. Опера Глинки шла даже в провинции под названием «Серп и молот». В этой опере Сабинин — будто запрятанный пропагандист — проносил пламенные речи в защиту крестьянской бедноты, угнетаемой кулаками, воспитанник Сусанина Ваня фигурировал в качестве героя-пioneра. Были и иные попытки. Все они обычно сводились к вулгарному южанинскому замыслу великого композитора, к фальсификации истории.

Законно стремление советских театров поставить такое замечательное произведение, как «Иван Сусанин» Глинки. Трудность заключалась в том, чтобы, не нарушая целостности музыкального замысла, нечто изменить отнюдь не в ущерб музыкальному, драматургически-беспомощное либретто барона Розена.

Сам Глинка подсказал, как решить эту задачу художнику. В его опере почти с ослабленной конкретностью воплощена вечная, общечеловеческая идея, идея пламенной любви народа к своей родине.

Этой идее и посвящен наш спектакль. Был ли Сусанин единственным героем, спасающим родину? Нет. Русская история знает множество таких скромных, даже безымянных героев. В отечественную ли войну, в борьбе ли со шведами, в волочавские дни — родина всегда выдвигала мужественных защитников, которые без колебаний отдавали за нее жизнь.

Иван Сусанин — не конкретный, бытовой тип. Это — собирательный образ. И потому совершенно не важно, кромостромской ли он крестьянин, какой у него говорю и какой у него костюм. Важно показать,

Б. МОРДВИНОВ

Заслуженный артист республики, главный режиссер Большого театра Союза ССР

то Сусанин был, есть и всегда будет жить в великом русском народе, во все времена и во всем протяжении русской земли.

Символом родины, которую идет спасать Сусанин, является в нашем спектакле Москва — сердце России. Поэтому место действия оперы из Кромостромской губернии перенесено в подмосковную деревню. По авторитетному мнению специалистов, мы все грешим здесь против исторической правды.

Как подошла режиссура к сценической трактовке спектакля «Иван Сусанин»? Было бы, думается, глубоко неверным толковать «Ивана Сусанина» как психологическую, бытовую музыкальную драму.

В свое время знаменитый русский критик А. Н. Серов блестяще определил стиль этого произведения. Это, говорил он, «громко-честная опера, самостоятельное славянское начало в опере, первая «опера», в настоящем строгом смысле этого слова... опера, по форме своей равносильная немецким и французским большим операм самого серьезного, выработанного стиля!».

Итак, «Иван Сусанин», конечно, прежде всего опера, а не музыкальная драма в том смысле, как мы ее понимаем (хотя элементы такой реалистической музыкальной драмы бесспорно здесь уже замечаются).

Это опера, полная громадного пафоса. В ней все приподнято, все немного на котурнах героями. Титанические общечеловеческие чувства и страсти, гениально выраженные музыкой Глинки, ролят в какой-то мере его произведение с шекопировской драматургией. Отсюда ясно, что вся-

кая попытка режиссера привести в оперу элементы психологического бытовизма, жанровой «правды», шла бы в разрез с поэтикой вагнеровской патетики музыки «Ивана Сусанина».

Мы не нарушили сюжетного развития. Но, разумеется, от вишней барона Розена почти не осталось следа. Мы стремились найти чистый народный русский язык, не архаичный, близкий современному зрителю, но все же и не совсем современный.

Мы искали такой пейзаж, который напоминал бы не дубочно-масляничную, стилизованную Русь, а дорожку нам всем родную Россию, но опять же взятую в историческом аспекте, чтобы наши подмосковные деревенские домики не походили, скажем, на современные здания.

В свое время критика жестоко обрушивалась на Глинку за якобы чрезмерно «стандартный» характер в изображении Польши. Вероятно это не было случайностью. В этих непрерывных, нарочито изысканных и внешне блестящих мазурах, полонезах, с которыми поляки выступают не только на балах, но и в зале Сусанина, и в лесу, Глинка тонко подчеркнул свое ироническое отношение к польской шляхте, к ее легкомыслию, пустоте, летучести восторга. И мы стареемся нарисовать образы польских интервентов такими же ироническими красками, какими они нарисованы самим Глинкой.

Что преследовала режиссура, ставя «Ивана Сусанина»? Чтобы в спектакле как можно меньше чувствовался постановщик.

Это сделано сознательно. В «Иване Сусанине», вероятно, больше чем где-либо, композитор имеет основание быть главным хозяином спектакля.

Тот же критик Серов, упрекая Глинку за то, что он в своем «Сусанине» «слишком часто забывает во все о сцене, о театре», невольно вынужден признать, что великий автор первой русской оперы имел на это право.

Народный артист РСФСР орденносец Н. С. Ханаев в роли Сабинина. (Фотохроника ТАСС).

«Его признание было... писал Серов... создать русскую оперу... создать новый, русско-оперный стиль, требующий уже искусных певцов; доказать возможность законного существования самостоятельной музыки, построенной на народных мелодиях и обработанной наравне с западными мастерами произведениями... быть для России вместе и Глюком,